

ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ

Суржильные
детские

*...Довольно для ученика,
чтобы он был,
как учитель его,
и для слуги, чтобы он был,
как господин его.
Если хозяина дома
назвали вельзевулом,
не тем ли более домашних его?*

От Матфея, 10, 25

Сначала – полная чернота, голландская сажа, тьма египетская, ни одной светящейся точки. Но это чернота живая, гулкая, объемная, насыщенная чьим-то тяжелым дыханием, сопением, стуками. Совсем близко возникают задавленные до хриплого шепота мужские голоса.

– Я тебе повторяю: ничего не было, идиот! Хочешь перекрещусь? Я человек верующий – ты знаешь...

– Не крестись – я видел мизансцену. Я обещал, в следующий раз я тебя убью. Так что молись, говно!

– Левушка, ну вспомни о чувстве юмора. Через пять минут ты будешь хохотать над тем, что сейчас говоришь!

– Я возможно. А ты уже нет. Потом я раскаюсь. Наверное, когда тебя будут хоронить, я даже буду плакать.

– Ну что ж мне теперь делать, совсем с ней не общаться?.. Мы же все-таки коллеги!.. И цивилизованные люди...

– В цивилизованных странах за это убивают. Я придерживаюсь правил. Если я тебя не убью, я не смогу жить.

– Хорошо, ударь меня по морде. Если тебе будет легче, ударь меня по морде. Только не сломай нос...

– Бить я тебя, сволочь, не буду. Это малоэффективно. Я сделаю, как обещал. Я отрублю тебе голову!..

Глухой удар, долгий надсадный крик, и черноту пререзает яркая полоска света: видимо, кто-то, перепуганный, там, в глубине этой плотной черноты, опасливо прикрыл дверь. И этот далекий луч, как магниевая вспышка, высвечивает близкое, в полэкрана, лицо. Лицо вампира. Меловая маска с красными губами. На щеке алеет карминное сердечко. Подведенные фиолетовые глаза расширены от ужаса. Словно упырь, застигнутый рассветом, обладатель мелового лица кидается в спасительную черноту...

Но вот уже взбудораженная темень перестает быть теменью – то тут, то там хлопают двери, света становится больше, отдельные возгласы перерастают в гомон.

По освещенному коридору, мимо распахнутых гримуборных несетя белая маска с красным ртом и надломленными бровями. За маской хрипло дыша, неотступно следует толстый человек в странной белой хламиде. Лицо толстяка в крупных каплях пота, мятежные кудри пляшут вокруг лысины, как язычки пламени на ветру. В вознесенной руке, неотвратимый, как судьба, поблескивает топор.

...С грохотом захлопывается за белой маской дверь гримуборной и захлопывается как нельзя более вовремя, ибо уже в следующую секунду в нее с визгом врубается топор...

– Все равно я убью тебя, мерзавец!.. Я тебя приговорил!.. Это только отсрочка, ты понял?.. Я отрублю тебе голову и пошлю твоей семье!..

Толстый Левушка, как рыбина в сетях, бьется в руках перепуганных коллег.

– Отрубишь и пошлешь, – соглашается рассудительный Андрей Иванович Нанайцев, заслуженный артист Российской Федерации. – Но эффекта, к сожалению, не увидишь. Потому что будешь заготавливать древесину в Коми АССР.

– Прости меня, Лев, но ты все-таки очень не Пушкин, – огорченно сетует Элла Эрнестовна, супруга Андрея Ивановича, также заслуженная артистка, но другой республики. – Топор – это непарламентарно. В таких случаях вызывают на дуэль.

– В таких случаях вызывают на партком, – парирует Федяева. – Такого циничного

адюльтера у нас еще не было. К тому же Гордынский очень скверный актер. Убивать – это, конечно, слишком, но выгнать его необходимо...

...В дверь гримуборной Гордынского скребутся две молоденькие актрисы Аллочка и Ниночка. Их симпатии однозначно на стороне жертвы.

– Игорь, открой, это Алла и Нина!.. Игорь, не бойся, его держат!.. Игорь, почему ты молчишь?.. Игорь, мы сейчас вызовем «скорую помощь»!..

Дверь, со всаженым в нее топором, нервно распаивается, впускает Аллочку и Ниночку и тут же захлопывается вновь.

– Я Левушку понимаю, – раздумчиво говорит Тюрин, – мужчина должен как-то реагировать... В конце концов, пока Гордынский в театре, мы не можем быть спокойны за своих жен!..

– За свою ты можешь быть спокоен, – огрызается жена Тюрин, вздорная особа с невнятным лицом. – У тебя жена не блядь! Все прут на Гордынского, а про нее ни слова!..

Дверь гримуборной Гордынского снова распаивается, на пороге появляются Аллочка и Ниночка.

– Срочно врача! – глаза у Аллочки круглые и блестящие, подбородок нервически подергивается, но в голосе сдержанность и значительность. Таким голосом создают панику, желая ее погасить. – Игорь истекает кровью!.. Кажется, он задел ему сонную артерию!..

– Какую артерию, что она плетет?.. – неуверенно лепечет толстый Левушка. Он с ужасом начинает чувствовать, как легкий морозец бежит по его лысине, покрывая мгновенным инеем еще недавно влажный венчик кудрей. – Не знаю я никакой артерии!.. Да я к нему пальцем не прикоснулся!..

– Ты прикоснулся топором! – Федяева на глазах проникается состраданием к Гордынскому. – Не надейся, что мы это замнем!.. Я лично тебя посажу, мерзавец! Алла, Нина, звоните в «скорую»!..

Толпа актеров отшатывается от Левушки – таково уж свойство любой толпы – мгновенно и чистосердечно менять пристрастия! – и устремляется в гримуборную к Гордынскому. Игорь лежит на диване, вытянувшись, как покойник. Трагические глаза его темны, как две чернильницы, меловое лицо залито кровью.

Толпа расступается, и в конце живого коридора мы видим потного, взъерошенного, раздавленного всем происшедшим бедного Левушку. Под шпицрутенами взглядов он подходит к дивану и внезапно бухается перед Игорем на колени.

– Прости меня, Игорь, – глотая слезы, сипло говорит Левушка и смотрит на Игоря страдающими глазами. – Я скотина, я подлец... Я никогда не думал, что способен поднять руку на человека...

– Бог простит, Левушка, – печально и растроганно отвечает Игорь, и по лицу его тоже катятся слезы. – Я на тебя не в обиде... Просто морду жалко, через неделю съемки...

– Съемки? – ахает Левушка. – У тебя съемки? А я тебя искалечил... Я хочу умереть... Пусть меня расстреляют... У нас еще есть расстрел?..

– Не мучай себя, Левушка, – Игоря душат слезы, но он заставляет себя говорить. – Каждый может ошибиться... Черт, какая слабость... Видимо, от потери крови...

Игорь вяло кивает головой куда-то в сторону, но все безошибочно поворачиваются к умывальной раковине: внутренняя поверхность ее красна от крови... И тут с Левушкой происходит какая-то внутренняя метаморфоза, он весь поджимается, как перед прыжком, обводит присутствующих лихорадочно горящими глазами, встает с колен... и кидается к гримерному столику. С грохотом летят на пол ящики, коробки с гримом, дезодоранты... Наконец, счастливый и усталый, как Данко, которому хоть и с трудом, но удалось разломить

свою грудную клетку, Левушка поднимает высоко над головой флакончик с алой жидкостью...

– К-р-ровь? – яростно кричит Левушка. – Вот она, твоя кровь, ублюдок! И цена ей один рубль двадцать копеек!.. И производится она на химкомбинате имени Клары Цеткин!.. А теперь я тебе покажу, какой бывает настоящая кровь!

Гордынский кидается к двери, кто-то виснет у него на руках – толпа не терпит очевидного неблагородства.

Левушка, держа над головой флакон, пытается пробиться к Гордынскому, ему мешают – и в толпе находятся милосердные души... Странно размалеванные лица... Эксцентрические одежды... Неадекватные реакции...

Нелюди. Привидения. Артисты.

Вступительные титры фильма:

СУКИНЫ ДЕТИ

Коробки с гримом. Карандаши и кисточки. Батареи лосьонов и дезодорантов. Бижутерия. Широко распахнутый глаз. Касание кисточки – и глаз становится темнее, таинственнее, глубже... В женской гримуборной расположились четверо актрис. Это уже известные нам Аллочка и Ниночка; затем громогласная Сима Корзухина, неспорченное дитя природы, неутомимый солдат справедливости, уроженка южной провинции, умудрившаяся сохранить родной говор даже в условиях столичной сцены; и, наконец, Елена Константиновна Гвоздилова, театральная прима, любимица критики, европейская штучка, ухоженная и уравновешенная, с хорошо отработанным выражением утомленной иронии в глазах.

– Это потому, что она доступная, – Алла продолжает обсуждение недавних событий. – Мужики это очень ценят. Ты можешь быть какая угодно страшная, но если ты подвижна на секс...

– Алл, не завидуй! – Нина старательно выводит на выбеленной щеке черную розочку. – Танька красивая. От нее еще в институте все дохли...

– И-их, дурьнды! – не выдерживает Сима. – Зла на вас не хватает!.. Мы же революционный театр, на нас билетов не достать, а у вас все разговоры на уровне гениталий!..

– При чем тут гениталии? – вяло обижается Аллочка. – Тут человека чуть не убили!.. Вы же не видели, а говорите...

– Ужас, ужас! – без всякого ужаса подтвердила Ниночка. – Когда Лев Александрович выскочил с топором, я прямо чуть не описалась!

– Вот они, борцы за идею! – стонет Сима, схватившись за голову. – Шеф кровью харкал, чтобы создать театр, а они превратили его в бордель!

– Будем объективны, Симочка, – не поворачивая головы, ровным голосом произносит Елена Константиновна. – Рыба, как известно, гниет с головы. Нельзя руководить театром, находясь полгода в Англии...

– Ах, вот ты как заговорила! – у Симы в глазах запрыгали зеленые сатанинские огоньки. – Хозяин за дверь – лакеи гуляют?.. Или тебя в другой театр поманили, независимая ты наша?..

– Сима, если вам не трудно, давайте останемся на «вы», – также бесстрастно произносит Елена Константиновна. – Никуда меня не поманили. Просто я не люблю патриотического кликушества.

– Видали, девки? – Симе нужна аудитория, и она незамедлительно берет в союзницы

Аллочку и Ниночку. – Корабль еще не тонет, а крысы уже бегут с корабля!..

* * *

В другой гримуборной, сложив руки на коленях и опустив очи долу, сидит умытый и причесанный Игорь Гордынский. Весь он исполнен смирения и покорности, как монастырский послушник, случайно опоздавший к молитве, и видно, что он себе в этом качестве чрезвычайно нравится. Перед Игорем гневно вышагивает Федяева, которая за маской вполне убедительного гнева тоже никак не может скрыть удовольствия от нечаянно выпавшей ей общественной нагрузки.

– Ты учти, ситуация накалилась до предела, – говорит Федяева. – Актеры тебя терпеть не могут. В особенности мужчины!

– Зато женщины меня терпят, – застенчиво улыбается Игорь. – А женщины – лучшая половина человечества...

– Ты не юродствуй! – пытается осадить его Федяева. – Еще один скандал – и вылетишь из театра. Это я тебе обещаю!

– Неисповедимы пути твои, Господи! – вздыхает Игорь. – Может, и вылечу. А может, и все вылетим...

– Это что за намеки? – настораживается Федяева, и лицо ее покрывается пунцовыми пятнами. – Что ты городишь?.. Куда это вылетим?..

– В трубу, Лидия Николаевна! – Игорь впервые отрывает глаза от пола и смотрит на Федяеву. – Би-Би-Си слушать надо!..

* * *

В следующей гримуборной происходит бурное объяснение между Левушкой и его женой Татьяной. Вряд ли по ее поведению мы смогли бы определенно заподозрить ее в супружеской неверности – нет, она ведет себя так, как в подобной ситуации вели бы себя все остальные жены, но что сразу бросается в глаза, – это то, что она действительно очень красива.

– Нет, было!.. – Левушка бьется в истерике, но бьется, так сказать, шепотом, памятуя, что на крик опять могут сбежаться участливые коллеги. – И не смей мне врать!.. Господи, да пусть бы это был кто угодно, только не этот пошлый дурак с оловянными глазами!..

– Левушка, ну перестань себя мучить! – Татьяна разговаривает с мужем тоном, каким терпеливые няньки уговаривают, увещевают избалованных дитятей. – Дать тебе валокордин?.. Что я должна сказать тебе, чтобы ты успокоился?

– Я уже никогда не успокоюсь! – огромное тело Левушки сотрясается от рыданий. – Я обречен носить в себе этот ужас всю жизнь! Ты меня убила, понимаешь?..

– Ты сам себя убиваешь, – Татьяна украдкой смотрит на себя в примерное зеркало и незаметно поправляет локон. – Сейчас у тебя подскочит давление, и ты не сможешь репетировать. А все из-за твоего больного воображения...

– Я тебя понимаю! – сквозь слезы разглагольствует Левушка. – У тебя толстый, лысый, некрасивый да еще и ревнивый муж!.. Если бы у меня была такая жена, так я – я бы ее ненавидел!..

– А вот я тебя обожаю! – Татьяна мгновенно и точно принимает кокетливый Левушкин пас. – Такой уж у меня испорченный вкус. Глупенький ты мой, глупенький... Ну, иди ко мне!..

Татьяна с силой привлекает мужа к себе, и он утомленно затихает у нее на груди, как ребенок, изнуривший себя долгим плачем, причину которого он уже успел позабыть...

* * *

По бесконечным театральным коридорам стремительно и сосредоточенно движется молчаливая группа людей, чей облик сразу же выдает в них представителей иного, не театрального мира. Шляпы, плащи, галстуки, кейсы. На лице у каждого – выражение брезгливой усталости. Как ни схожи они между собой, но среди них можно выделить главного у него брезгливые складки ярче, чем у остальных. При некотором напряжении в группе можно разглядеть и женщину – ее выдает отсутствие шляпы и высокая прическа. Сопровождает группу директор театра. Он хорохорится, развлекает гостей, много и бестолково говорит – словом, изо всех сил пытается выглядеть хозяином положения, но по его растерянному лицу видно: пришельцы явились не с добром...

* * *

Актерский буфет – это место, которое дает, пожалуй, наиболее выразительное представление о том, что такое театр изнутри. Простой человек с улицы вряд ли сходу разберется, кто эти люди. Персонажи средневековой мистерии, маски комедии дель арте, обитатели иных миров или выходцы из преисподней – нечто разноцветное, буйное, орущее, из которого глаз не способен выхватить ни одного нормального лица, ни одного обычного костюма. Есть тут и малый мир, гомонящий, визжащий, путающийся под ногами – это актерские дети. Впрочем, малый мир внешне почти не отличается от взрослого – те же экстравагантные лохмотья, те же размалеванные лица...

– К вам можно? – к одному из столиков подходит лохматый молодой человек в цепях и набедренной повязке. Это Боря Синюхаев, вечный театральный кочевник, летучий голландец сцены, неугомный искатель удачи, сменивший уже шесть театров и готовящийся расстаться с седьмым. – К вам можно? Благодарю вас. Ну что, Андрей Иваныч, финита ля комедия?.. Вы уж, если что, возьмите меня в зайчики, ладно?..

Андрей Иванович Нанайцев, сосредоточенно поглощающий котлету, не сразу улавливает драматический смысл сказанного.

– В какие зайчики, Боря?

– А в елочные. Ну-ну, все же знают, что у вас отработанный номер. Вы – Дед Мороз, Элла Эрнестовна – Снегурка. А я мог бы зайчиком, хоть седьмым от начала...

– Ты, Боря, не мог бы! – обрывает с другого столика Тюрин. – Зайчик – серьезная роль. Надо же все-таки взвешивать свои возможности, нельзя же так зарываться!..

– А в связи с чем вас потянуло в зайчики? – интересуется Элла Эрнестовна.

– А в связи с закрытием театра! – Боря удивленно поднял брови. – Товарищи, вы что, с Тибета?.. Читали последнее интервью нашего главного в английской газете «Гардиан»?

– Мы «Гардиан» не выписываем! – гордо сообщает жена Тюрина.

– Вы еще скажите, что и Би-Би-Си не слушаете! – Боря пытается привлечь внимание сидящих за другими столиками. – А я слушал. Случайно. Всего не разобрал, но смысл у них такой: министерство культуры – говно, управление – само собой говно, и вообще все начальство – говно!..

– Яркая мысль! – индифферентно констатирует Элла Эрнестовна.

– Но самое-то интересное, – продолжает Боря, – он там и нас приложил. Артисты, мол, ленивые, невежественные, лишены, мол, гражданского чувства. За точность не поручусь, но в целом примерно так...

– А что вы имеете возразить? – печально спрашивает Андрей Иванович. – Такое уж мы племя!..

С грохотом летят на пол столовые приборы и тарелки, и над одним из соседних столиков вырастает разъяренная Сима.

– Где это ты слышал, подонок? – слова ее обращены к Боре, но тот благоразумно делает вид, что увлечен едой. – Ну кого вы слушаете? Он же платный стукач, а вы тут развесили уши!

– Ну, пошло-поехало, – вздыхает жена Тюрина. – Тронули какашку!

– Сима, окстись! – Федяева вмешивается в разговор, как всегда, вовремя, ибо безошибочно чувствует, когда наступает заветная минута воспитывать и определять. – Ты что, полоумная? Человек не сам это придумал, а слышал по радио!

– Ни черта он не слышал! – заходится Сима. – Это все кагебешные штучки! Это ему такое задание дали – распространять поганые слухи!.. У-у, стукачина!

– Серафима Михайловна, – тихо говорит Элла Эрнестовна. – Ну зачем вы так?

– Да Борька не обижается, – успокаивает Эллу Эрнестовну Тюрин. – Мы у нее все стукачи, причем все платные. Вот черт, весь театр стучит, а жить все равно не на что!

– Надо срочно раздобыть телефон шефа! – голосом, не терпящим возражений, заявляет Федяева. – Я имею в виду лондонский телефон!

– И что мы ему скажем? – саркастически улыбается Боря. – Прилетайте скорее, Георгий Петрович! Соотечественники заждались! В особенности на Лубянке!

– Во, слышали! – снова взвывается Сима. – Типичные речи стукача! Чтобы говорить такое вслух и при этом не сесть – нужно иметь специальную лицензию!

– Серафима Михайловна, чтобы говорить вслух то, что несете вы, нужно тоже иметь лицензию, – вежливо говорит Борис. Сима захлебывается от ненависти и на минуту умолкает.

– Как хотите, а позвонить надо, – настаивает Федяева. – Театр не может существовать без его создателя. Должны же артисты знать, на каком они свете...

– Наивные, Господи... – морщится жена Тюрина. – Он прямо обрыдается вам в трубку.

– Но все-таки будет хоть какая-то ясность, – неуверенно поддерживает Федяеву Элла Эрнестовна.

– Да и так все ясно! – Боря отодвигает от себя тарелку и вытирает салфеткой губы. – Шефа лишают гражданства, а сюда пришлют другого главного. И весь сказ! Сценарий уже давно утвержден.

– Нет, позвольте! – горячится Федяева. – Мы же не стадо овец, с нами обязаны считаться! Такого просто не может быть!

– В этой стране все может быть! – мрачно усмехается Боря. – Неужели вы всерьез считаете, что они держат нас за людей? Мы для них – шуты гороховые!..

– Боря, никогда не говорите «в этой стране», – морщится Андрей Иванович. – Вы так мало похожи на иностранца...

– А что вас покорило, Андрей Иванович? – удивляется Боря. – Непатриотичный оборот?.. Но вы же человек свободных взглядов, сами отсидели одиннадцать лет...

– Боря, вы с такой легкостью говорите «отсидели», – тихо вмешивается Элла Эрнестовна, – как будто Андрей Иванович отсидел ногу...

– Да вернется он, вернется! – кричит Сима. – Ничего ему не сделают! Ты слышала это интервью? И я не слышала!.. И никто не слышал!..

– Гордынский тоже слышал, – меланхолично замечает кто-то.

– Андрей Иваныч! – к столику Нанайцева пробирается помреж Тамара. – Вас срочно к директору!..

* * *

...Едва переступив дверь в кабинет директора, Андрей Иванович безошибочным чутьем старого театрального домового и еще более безошибочным чутьем старого лагерника определяет: случилось что-то неладное, и не просто неладное, а совсем скверное, что случается далеко не каждый день. Внешне вроде бы ничего не изменилось, все на своих привычных местах... Финская мебель, фестивальные призы, заграничные афиши... Гости в директорском кабинете тоже явление обычное, можно сказать, ежедневное... На столе сияют золотые коньячные рюмочки, глубокой морской зеленью мерцает тархун, но это тоже появляется здесь не только по большим праздникам... И все-таки в сердце Андрея Ивановича, как пузырьки в газировке, начинают бешено колотиться крохотные иголки страха...

– Входите, входите, Андрей Иваныч, – голос директора бодр и приподнят, но при этом лицо почему-то почти свекольного цвета. – Знакомьтесь, товарищи: это Андрей Иваныч, наш парторг... Ну, товарищи из райкома его знают...

– И мы знаем! – с доброжелательной гримасой кивает единственная во всей компании дама. – В кино иногда выбираемся... Очень приятно видеть вас, так сказать, живьем!..

– Анна Кузьминична из горкома, – продолжает конферировать директор. – А это Юрий Михайлович... Это наш покровитель... Наш куратор... Наш, так сказать...

Тот, кого назвали Юрием Михайловичем, и в ком Андрей Иванович тотчас же угадал главного, демократично останавливает директора движением руки – это, мол, суета, дело, мол, не в титулах, есть проблемы поважнее...

– Извините, что я в таком виде! – запоздало спохватывается Андрей Иванович. – У нас ежедневные репетиции... Мне сказали – срочно, я не стал переодеваться...

– А что вы, собственно, репетируете? – Юрий Михайлович, не мигая, смотрит на Андрея Ивановича. – Насколько я понимаю, ваш главный режиссер находится в Великобритании?

– Ну, есть же и очередные режиссеры... – поспешно вмешивается директор. – Театр не может не репетировать. Люди потеряют квалификацию...

– Разумеется, без Георгия Петровича трудно, – Андрей Иванович пытается выглядеть раскованным и независимым, но под немигающим взглядом куратора у него это плохо получается. – Однако же мы пытаемся как-то существовать... И ждем его возвращения...

– А вы не ждите, – бесцветным голосом советует Юрий Михайлович. – Он не вернется. К тому же, вчера, приказом по министерству культуры он освобожден от обязанностей главного режиссера.

Андрей Иванович затравленно глянул на директора, тот смотрел в окно и вытирал шею платком...

Трое райкомовских о чем-то приглушенно переговаривались между собой... Дама из горкома заинтересованно разглядывала афишу... И только Юрий Михайлович так же в упор, не мигая, смотрел на Андрея Ивановича.

– Понятно, – механически кивнул Андрей Иванович, хотя в голове у него шумело, ничего-то ему не было понятно. – И что же теперь будет?..

– Об этом мы еще поговорим. А пока срочно соберите партком на предмет исключения Георгия Петровича из партии. Решение принято наверху, но провести его надо через первичную

* * *

Перед дверью парткома застыла молчаливая группа актеров. Те же живописные лохмотья, те же размалеванные лица. Еще минута – и будет казаться, что это всего лишь цветная фотография, но нет, щелкнул дверной замок – и вся группа пришла в движение, отхлынула от двери, образовала живой коридор...

Сквозь коридор проходит начальство во главе с Юрием Михайловичем. Чувствуется, что им неуютно пробираться сквозь эту странную, разрисованную, полуголую и враждебно настроенную толпу.

Вслед за начальством появляются члены парткома. Они идут молча, гуськом, не поднимая глаз, впереди, осунувшийся и постаревший, идет Андрей Иванович. Элла Эрнестовна кидается к нему и, как сестра милосердия – раненого, принимает его на плечи.

– Ну что? – пытается одного из членов парткома Тюрин. – Кто был за, кто был против?

– Все – за! – вяло отвечает член парткома. – И попробовали бы не проголосовать...

– Исключили? – ахает Сима. – Ах вы, гады!.. Ах вы, твари позорные!..

– Был бы у тебя партбилет, – огрызается другой член парткома, – ты бы по-другому заговорила!..

– У меня партбилет? – хохочет Сима. – Да я с таким, как ты, на одном гектаре... На кой мне он нужен, если из людей делает таких вот нелюдей?

– Не усугубляй, Сима, – мягко говорит Левушка. – Им и так тошно. Еще не вечер, еще не вечер... Будем бороться...

– Отборолись! – не унимается Сима. – Это вы при шефе были борцы!.. А без него вы – мразь!..

– Надо срочно написать в Политбюро, – пытается взять ситуацию в свои руки Федяева. – С просьбой о пересмотре...

– Лучше в ООН, Лидия Николаевна, – серьезно советует Гордынский. – Быстрее отреагируют.

– А что теперь с нами будет? – кокетливо вопрошает Аллочка. – Мы теперь тоже вроде как бы враги народа.

– Что-нибудь придумают, – в тон ей отвечает Ниночка. – Может, сошлют, может, расстреляют.

– Скорее всего, сошлют! – авторитетно поддерживает разговор Боря. – Будут предлагать точки – проситесь в Англию.

* * *

...На одном из столиков в гримборной Андрея Ивановича разложена целая аптечка, над которой хлопочет переполошенная Элла Эрнестовна. Сам Андрей Иванович полулежит на диване, руки теребят диванную обшивку, на лбу – бисеринки пота.

– Да нормально, Элла, – успокаивает он жену, хотя самого колотит крупная дрожь. – Под лопаткой уже отпустило... Много нитроглицерина тоже нельзя, может быть коллапс... Ты знаешь, это было, как гипноз... Вот он смотрит на меня, и я чувствую, как язык у меня деревенеет... У него такой взгляд... нехороший взгляд... как у тех...

– Это страх, Андрюша, – Элла Эрнестовна промокает платком влажный лоб мужа. – Это на всю жизнь. Ты уж смирись с этим, побереги сердце...

– Он зачитал нам какую-то ерунду... Цитаты из западных газет... В общем, я плохо помню... А потом предложил голосовать... И рука у меня поднялась сама собой... И все подняли руки. Хотя нет, один был против. Коля Малинин. Монтировщик.

– Не будь ребенком! – увещевает мужа Элла Эрнестовна. – Ты думаешь, от вас что-то зависело?.. Да они исключили бы Георгия Петровича и без вас!.. Ваше голосование – пустая формальность!..

– Да пойми, Элла, – стонет Андрей Иванович, – им было важно сделать это нашими руками!.. Чтобы показать нам, какие мы ничтожества!.. И они этого добились. Да, собственно говоря, и не добивались. Просто цыкнули – и мы тут же упали на карачки!.. Господи, какой стыд!..

– Прекрати, Андрей! – Элла Эрнестовна переходит на шепот. – Ты же знаешь эту машину. Она раздавит всякого, кто будет ей сопротивляться. Ты однажды уже попробовал. Пусть пробуют другие!..

* * *

По радиотрансляции – настойчивые звонки.

Татьяна в своей гримуборной поспешно натягивает на себя какую-то хламиду. Оглядывает себя в зеркале. Поправляет волосы. Пудрит нос.

«Ку-ку!» – Татьяна резко поворачивается и видит высывающуюся из-за вешалки физиономию Гордынского.

– Ты с ума сошел! – ахает Татьяна. – Тебя ж могут увидеть!.. А ну, выматывайся немедленно!..

– Сейчас время пик, – объясняет Игорь. – Все на прогоне. – И тут же меняет тон: – Тань, только один вопрос: когда мы увидимся?

– Никогда, Игорь, – Татьяна снова поворачивается к зеркалу. – И не задавай больше никаких вопросов.

– Вот это да! – лицо у Игоря вытягивается. – Так-таки и никогда? Напугал тебя наш мавр!..

– Я не хочу доставлять Леве неприятные минуты. И так весь театр шушукается.

– А обо мне ты подумала? – вскрикивает Игорь. – Или мои переживания тут не в счет?..

– Ты – другое дело, – парирует Татьяна. – Ты – свободный человек. И потом – я люблю мужа.

– Что ты говоришь! – ехидничает Игорь. – Оказывается, ты любишь мужа!.. Не поздно ли созрела?

– А ты и в самом деле пошляк! – Татьяна брезгливо разглядывает Игоря в зеркале. – Правильно про тебя говорят: пошлый дурак с оловянными глазами...

– Это кто же так говорит? – последние слова задела Игоря за живое. – Уж не Левушка ли? В таком случае можешь передать ему, что он благородный умник с натуральными рогами!..

Вот этого говорить не следовало, тут Игорю явно изменило чувство меры. Он не успевает даже осмыслить сказанное. а в руках у Татьяны уже матово поблескивают щипцы для завивки волос.

– Пошел вон! – приказывает Татьяна. – Немедленно пошел вон, или я за себя не отвечаю!

Вслед за тем щипцы действительно летят в сторону Гордынского, но он уворачивается.

– Правильно, – бормочет Игорь, потихоньку перемещаясь к двери, – один с топором, другая – со щипцами... Вполне в духе вашей семьи!.. Интересно, чем будут швыряться ваши дети...

В дверь, которая за ним поспешно захлопывается, летит флакон дезодоранта.

* * *

– Продали, подлюки! – стоя под горячим душем, Сима так яростно намыливает голову, как будто именно она главная виновница случившегося. – С потрохами продали! Ну ничего, вернется шеф – вы еще попляшете!..

– Ребята не виноваты, Серафима Михайловна! – робко вступается Аллочка. – Они сами испереживались... Но что они могли сделать?

– Может, еще можно что-то исправить? – Ниночка косится на Гвоздилову. – Написать самому Черненко? Как вы считаете, Елена Константиновна?

– Я считаю, что когда актрисы разговаривают о политике – это уже смешно, – снисходительно отвечает Гвоздилова. – Но вдвойне смешно, когда они делают это в голом виде...

– Ах, тебе смешно? – Сима задохнулась от ярости. – Ну еще бы!.. Мы такие интеллектуальные, мы читаем Брехеса, остальное нам до лампочки! Правильно тебя шеф ненавидел!

Гвоздилова пожимает плечами, спокойно выключает воду и, не удостоив Симу ответом, выходит в раздевалку.

– Как вам не стыдно! – срывается Аллочка (как и большинство молодых актрис в театре, она испытывает перед Гвоздило-вой благоговейный трепет). – Елена Константиновна – воспитанный человек, а вы – базарная торговка!

– Вы просто завидуете Елене Константиновне! – поддерживает подругу Ниночка. – Завидуете ее успеху!.. Ее все уважают, а вас – нет!

– Я завидую? – поперхнулась Сима. – Матрешки, да вы в своем уме?.. Я завидую этой вяленой медузе?

Аллочка и Ниночка переглядываются и, не сговариваясь, выскакивают в раздевалку, оставив Симу в гордом одиночестве.

– Бегите, бегите, шпана! – напутствует их Сима. – Поносите шлейф за своей старенькой королевой!..

* * *

В раздевалке Гвоздилова, уже накинувшая на себя халат, растерянным взглядом обводит пустые полки своего шкафчика.

– Девочки, простите, вы не видели... Я отлично помню, что положила их вот сюда... В общем, у меня пропали трусики.

– Это Серафима! – уверенно говорит Аллочка. – Рупь за сто, это ее каверзы!

– Серафима Михайловна! – кричит Ниночка. – Вы случайно не видели трусики Елены Константиновны?

Из душевой доносится довольный смешок – Сима взяла реванш.

– Это французские, что ли? – отзывается Сима. – Как же, видела! Они просили передать, что улетают в Париж искать себе задницу поприличней!..

– Жалко Симу, – неожиданно говорит Гвоздилова. – Она очень хороший и искренний человек. Но ей мешает то, что она борется со всеми сразу...

* * *

А в душевой мокрая, голая, несчастная Сима отчаянно стучит кулаком в кафельную стену: «Суки вы!.. Суки продажные!.. Трусы!..»

* * *

...У стенда, где вывешиваются наиболее сенсационные вырезки из журналов и газет, сгущилась огромная толпа. Все разговаривают шепотом, как на похоронах, подходят все новые люди, и каждый пробивается поближе к стенду, чтобы собственными глазами прочитать те роковые пять строк, которые уже выучены всеми наизусть: «Указом Президиума Верховного Совета СССР... лишить гражданства... за оскорбительные выпады в адрес...»

– Все! – констатирует мрачно Боря и обнимает за плечи притихшего Левушку. – Амба!.. Теперь они могут делать с нами все, что захотят!

* * *

...И снова по бесконечным тоннелям, коридорам и переходам театра нервной рысью несется начальственная группа. Шляпы, плащи, кейсы. Где-то сбоку семенит директор, показной удали в нем заметно поубавилось, весь он как-то обмяк и сник, поэтому путешествие происходит в полном молчании.

* * *

...В огромном репетиционном зале собралась вся труппа. Ни покашливания, ни шушуканья, ни скрипа стульев, как это обычно бывает, когда в зале собирается много людей, – тишина. На первый взгляд может показаться, что там, куда сейчас устремлены взгляды актеров, происходит нечто завораживающее, притягательное, необычное – словом, нечто такое, от чего нельзя отвести глаз. Но вот камера берет обратную точку, и мы видим, что ничего необычного там нет: напротив неподвижной и безмолвной труппы – такой же неподвижный и безмолвный президиум, состоящий из уже известной нам начальственной пятерки. Пауза затягивается, становится двусмысленной, начинает заполняться опасной энергией.

– Ну что же, товарищи... – Юрий Михайлович окидывает аудиторию взором доброжелательной Горгоны. – Поскольку никто из вас не желает выразить свою точку зрения на случившееся, то я позволю себе сделать одно деловое сообщение. В связи с лишением гражданства Рябина Георгия Петровича, соответствующие инстанции приняли следующие решения. Первое. Снять фамилию Рябина с афиши театра...

– Как это снять? – вскакивает Сима. – Он же создал этот театр! Его фамилию знает весь мир!

– Возможно, – мягко соглашается Юрий Михайлович, – хотя, думаю, вы сильно преувеличиваете. Но согласитесь, что фамилия антисоветчика на советской афише – это недопустимая вещь. К тому же, Рябинин больше не главный режиссер театра. Второе. Исключить из репертуара все спектакли, поставленные Рябининым.

– А что же останется? – выкрикивает с места Левушка. – У нас все спектакли поставлены Рябининым. И только три – другими режиссерами.

– Вот это и есть ваш прожиточный минимум, – терпеливо объясняет Юрий Михайлович. – Во всяком случае, до прихода нового главного режиссера. И, наконец, третье. Репетиции новых спектаклей, начатых Рябининым до его отъезда, немедленно прекратить...

– Это никак невозможно! – с жаром возражает Федяева. – Артисты должны репетировать. Иначе половина из нас останется без работы!

– Странно все-таки получается, – словно ни к кому не обращаясь, раздумчиво говорит Юрий Михайлович. – Вы готовы говорить о чем угодно, только не о существовании вопроса. А ведь поступок вашего бывшего шефа касается в первую очередь именно вас. В редакции центральных газет поступили уже десятки тысяч писем от трудящихся с резкой оценкой возмутительного поведения Рябинина...

– Можно вопрос? – простодушно спрашивает Гордынский. – А откуда трудящиеся узнали о возмутительном поведении Рябинина?.. Я внимательно слушаю советское радио, читаю и выписываю газеты – там ничего про это не говорят!..

Оглушительная пауза, наступившая вслед за репликой Игоря, вдруг взорвалась чьим-то звонким смешком. Засмеялся Боря, открыто и без страха глядя в гипнотические глаза Юрия Михайловича... Засмеялся Левушка... Засмеялась Татьяна... Усмехнулся Андрей Иванович... Улыбнулась Гвоздилова... Сообразив, в чем дело, в голос захохотала Сима... И вот уже вся труппа заходится в хохоте, он идет волнами откуда-то из задних рядов, докатывается до президиума, обрушивается на него и откатывается вновь, чтобы через секунду вернуться новой оглушительной волной... Зафиксируем это вечное историческое противостояние. Хохочущая аудитория и окаменевший президиум. Сумасшедшие и здравомыслящие. Шуты и начальники.

* * *

...В актерском фойе труппа собралась на экстренный междусобойчик. Затурканный директор, сложив руки умоляющей лодочкой, тщетно пытается утихомирить актеров.

– Товарищи, Юрий Михайлович... м-м... выразил желание побеседовать с рядом актеров... м-м... с глазу на глаз... Огромная просьба, товарищи, ведите себя сдержанно и корректно!..

– Петр Егорыч! – неожиданно спрашивает Федяева. – А что это за анонимные люди в театре?.. Кто их пропустил?

Чуть в стороне демонстративно скучает группа молодых людей физкультурного вида. Все они в чехословацких костюмах и с короткими прическами. На лице у каждого присутствует яркое выражение незаинтересованности.

– М-м... это я их пропустил... – в замешательстве мямлит директор. – Мне позвонили из... м-м... В общем, товарищи просто контролируют ситуацию...

* * *

...Юрий Михайлович вонзает в Левушку свой немигающий взгляд, и тот съеживается, как устрица, в которую воткнули вилку.

– Нет, Лев Александрович, отмалчиваться вы не имеете права. Театр должен как-то обозначить свою гражданскую позицию. Скажем, написать коллективное письмо в газету...

– Я не люблю коллективные письма, – быстро говорит Левушка. – Это ложь и гадость.

Каждый обязан иметь свою точку зрения.

– И какова же ваша точка зрения на поведение Рябинина? – любопытствует Юрий Михайлович. – Надеюсь, она не слишком расходится с точкой зрения партии и правительства?

– Слишком, – обреченно отвечает Левушка. – В поведении Рябинина нет никакой крамолы. Я считаю, что правительство должно вернуть ему гражданство!.. И извиниться перед ним!..

– Занятная идея! – сочувственно кивает Юрий Михайлович. – И вы надеетесь увлечь правительство этим проектом?

– Не знаю, – искренне сознается Левушка. – Видимо, надо обратиться к общественности. Люди должны знать правду!

– Скажите, а как вы относитесь к Гордынскому? – неожиданно меняет тему Юрий Михайлович. – Что он из себя представляет?

– Игорь? – вопрос застаёт Левушку врасплох. – Ну, как вам сказать... Человек как человек... А почему он вас интересует?

– Пытаюсь выяснить обстановку в театре, – улыбается Юрий Михайлович. – Говорят, что актер он средний... Да и человек так себе...

– Кто это говорит? – Левушке становится нехорошо. – Игорь замечательный актер и достойный человек. В театре его любят...

– Да ну? – искренне удивляется Юрий Михайлович. – И вы тоже?.. А с чего бы это вам гоняться за своим любимцем с топором?

– Это частный конфликт, – багровеет Левушка. – Он никого не касается... Я вообще не понимаю, к чему этот разговор...

– Не годитесь вы в Робеспьеры, Лев Александрович! – словно не слыша Левушкиного пыhtения, продолжает Юрий Михайлович. – Прежде, чем давать советы правительству, надо заслужить уважение собственной жены!

– Вы не смеете! – высоким голосом кричит Левушка. – Вы не смеете лезть в чужую жизнь! Я подам на вас в суд!

– Ступайте, Лев Александрович! – Юрий Михайлович морщится, как от зубной боли. – И подумайте относительно письма. Горком очень обеспокоен климатом в театре. И моральным, и политическим...

* * *

...По театральному фойе, не обращая внимания на стриженных мальчиков в чехословацких костюмчиках, шествует долговязый молодой человек в очках и с фотоаппаратом. Его останавливают. Он что-то энергично объясняет, показывая рукой в сторону гримуборных, но видно, что его объяснения мальчиков не удовлетворяют.

– Это ко мне! – спешит на выручку Гвоздилова. – Корреспондент из «Советского экрана»!.. Пропустите, пожалуйста!..

Гвоздилова умеет приказывать, не приказывая. Мальчики улыбаются и разводят руками – мол, сами понимаете, такая служба. Корреспондент проходит в гримуборную Гвоздиловой и закрывает за собой дверь...

– Учитесь, девки!.. – злобно шипит Сима. – Вот как надо устраиваться!.. В театре – траур, а у нее – самая жизнь!..

* * *

...В гримуборной корреспондент щелкает Гвоздилову.

– Голова чуть направо. Подбородок чуть выше. И легкий проблеск улыбки. А смотреть не точно в объектив, а чуть поверх него. Замечательно.

– Жаль ваших усилий! – усмехается Гвоздилова. – Из-за Рябина материала наверняка не пойдет. Видите, что творится в театре?.. Чуть ли не комендантский час!..

– Ужас! – соглашается корреспондент, возясь с фотоаппаратом. – Но будем надеяться. Все-таки дети за отцов не отвечают. И потом кино – другое ведомство...

Он на секунду отрывается от фотоаппарата и озадаченно смотрит куда-то за плечо Гвоздиловой.

– Елена Константиновна! Что это у вас там за надпись?.. Я не имею ничего против этого лозунга, но он может испортить нам кадр!..

Гвоздилова оборачивается. Во всю ширину зеркала губной помадой написано: «Долой сук!» Елена Константиновна устало вздыхает и начинает оттирать зеркало носовым платком...

* * *

– А чего ж не подписать? – весело удивляется Игорь. – Георгию Петровичу от моей подписи зла не прибавит. Только текст вы сами составьте, у меня не получится.

– Текст не главное, – Юрий Михайлович внимательно изучает развалившегося в кресле Гордынского. – Нужно минимум десять подписей. Тогда это мнение театра.

– Организуем! – машет рукой Игорь. – Но я надеюсь, это будет как-то учтено?.. Ну, звание, квартира... Или там командировка в Японию?..

– При чем тут Япония? – на скулах Юрия Михайловича рельефно проступают желваки. – Вы что себе позволяете?

– Как при чем? – обижается Игорь. – Раз я у вас на службе... Ну-ну, не торгуйтесь!.. За крупное паскудство надо и платить по-крупному!

– Плохо шутите, Гордынский! – чувствуется, что спокойствие дается Юрию Михайловичу с трудом. – При вашей репутации я бы вел себя скромнее.

– Уже донесли! – расстраивается Игорь. – Клеветники, завистники!.. Ну не дает им покоя мое сексуальное здоровье!

– С сексуальным здоровьем у вас все в порядке, – желчно улыбается Юрий Михайлович. – А вот с пропиской, насколько мне известно, дело обстоит гораздо хуже...

– У меня временная, – Гордынский с готовностью лезет за паспортом, словно собираясь показать. – Директор все обещает квартиру, но... то генсек помрет, то Рябина лишают гражданства...

– Так вот, если вы не возьметесь за ум, – веско и внушительно говорит Юрий Михайлович, – то можете вообще вылететь из Москвы. Тем более, что театр вами не очень-то дорожит!

Игорь элегически смотрит в окно, потом с сожалением цокает языком и поднимается кресла.

– Нетонко! – кручинится он. – Я существо ажурное, меня надо было вербовать бережно. Жаль, жаль!.. Вы были в сантиметре от успеха!

* * *

...В стеклянную кружку с шипением льется золотистое пиво... На патефонном диске крутится обшарпанная пластинка... Флегматичный Дрюля, задумчиво прихлебывая из пивной кружки, слушает Верди... В гримуборную влетает растрепанный Тюрин, чертыхаясь, шарит по бесчисленным складкам висящей на вешалке хламиды, наконец, достает из ее недр смятую пачку сигарет...

– Вот это нервы!.. – разминая сигарету, восхищается Тюрин. – Земля горит, небо рушится, а мальчонка слушает Верди!.. Аномальный ты все-таки тип, Дрюля!..

– Это вы аномальные!.. – меланхолично отвечает Дрюля. – Все играете в казаки-разбойники!.. А я вне политики. Я ищу гармонию... Пью пиво, читаю Библию, слушаю Верди!..

– А вот скажи мне, Дрюля, – заинтересовывается Тюрин, – если тебя убивают... или лезут к тебе в квартиру... или насилуют твою жену... Что ты будешь в это время делать?.. Читать Библию?..

– Давай без глобальностей! – морщится Дрюля. – Никто нас покамест не убивает!.. Не надо мышиную возню выдавать за гибель Помпеи!..

* * *

...В разговоре с Гвоздиловой Юрий Михайлович мучительно напрягает остатки своего мужского шарма, – все-таки знаменитость, кинозвезда! – но, видимо, шарм начальника изрядно пожух от многолетнего бездействия, потому что не производит на Гвоздилову ни малейшего впечатления.

– Насколько мне известно, Елена Константиновна, – журчит Юрий Михайлович, – вы и раньше не ладили с Рябининым? А уж последний его поступок, видимо, и вовсе не привел вас в восторг?

– Я не делаю из этого тайны, – ровно отвечает Гвоздилова. – На мой взгляд, Георгий Петрович повел себя легкомысленно. Чем и поставил театр под удар.

– К сожалению, не все это понимают, – элегически вздыхает Юрий Михайлович. – Вот вы бы и объяснили это вашим коллегам. Да и не только коллегам...

– Вы предлагаете мне осудить Рябинина публично? – Гвоздилова качает головой. – Нет, во всенародных шабашах я не участвую.

– Ну что за формулировка, Елена Константиновна? – мягко досадует Юрий Михайлович. – Вы же скажете то, что думаете. И что же плохого в том, что ваше мнение совпадет с мнением большинства?

– Дело не в большинстве, – терпеливо объясняет Гвоздилова. – Своим мнением я поддерживаю ваше мнение. А поддерживать вас – аморально.

– Кого это – вас? – Юрий Михайлович срывается на фельдфебельский тон. – Народ, партию, правительство?

– У вас мания величия, – спокойно отвечает Гвоздилова. – Вас – это лично вас. И вам подобных. А таких в стране много.

– Вы хотите меня оскорбить? – глаза Юрия Михайловича наливаются металлической синевой. – Это очень рискованно, Елена Константиновна!

– Вас нельзя оскорбить. Вы счастливый человек. Знаете поговорку: самый счастливый человек тот, кто не знает степени своего несчастья...

Гвоздилова безмятежно смотрит на Юрия Михайловича и ослепительно улыбается. Марлен Дитрих. Небожительница. Кинозвезда.

...В узком проеме плохо прикрытой женской гримуборной вот уже несколько минут настырно маячит какая-то фигура.

– Девочки, смотрите! – фыркает полуголая Ниночка. – Скоро нам придется раздеваться при них!.. Да вы входите, молодой человек, вам же оттуда не видно!..

Сима рывком распахивает дверь. Наблюдатель слегка отшатывается, но на его лице нет и тени смущения. Тухлый взгляд. Профессиональное выражение задумчивой рассеянности.

– Глупая ты, Нинка! – говорит Сима, не отрывая насмешливого взгляда от наблюдателя. – Нужны ему твои сиськи!.. У него тут дела посерьезней. Он контрреволюцию ищет. Правда, шурик?..

– Я не Шурик! – с достоинством отвечает застигнутый. – Меня зовут Евгений. А если быть совсем точным, то Евгений Александрович.

– Иди ты!.. – изумляется Сима. – У тебя ведь, поди, и фамилия есть?.. Но все равно, ты шурик! Все вы, Евгений Александрович, шурики!..

И Сима с треском захлопывает дверь.

...В кабинете директора накаленная обстановка. Вся начальственная пятерка в сборе. От былой респектабельности Юрия Михайловича не осталось и следа. Злой и взъерошенный, он втыкается сухими колючками глаз то в директора, то в Андрея Ивановича.

– Гнилой у вас коллективчик-то, гнило-о-ой!.. Распустил их Рябинин! Ну ничего, я им заливки поломаю! Готовьте приказ, Петр Егорович. Бусыгина, Гвоздилову и Гордынского – на увольнение.

– То есть, как на увольнение? – шепчет Андрей Иванович. – Но ведь это же произвол!.. У вас нет оснований!..

– Оснований больше, чем достаточно! – отрубает Юрий Михайлович. – Вам нужна формулировка? Неэтичные выпады в адрес советских и партийных руководителей. И пусть еще скажут спасибо, что только увольнение, а не семидесятая статья!

– Юрий Михайлович, – пробует вмешаться директор, – нельзя же так сплеча... С Гвоздиловой может получиться скандал...

– Скандала не будет, – успокаивает директора Анна Кузьминична. – Горком полностью поддерживает позицию Юрия Михайловича. Райком, я надеюсь, тоже.

Безмолвные райкомовские анонимы согласно кивают головами: дескать, о чем речь, разумеется, поддерживаем.

– Но за что же увольнять? – негодует Андрей Иванович. – За то, что люди отстаивают свои моральные принципы?

– Моральные принципы? – Юрий Михайлович буквально задыхается от сарказма. – Одна трахается чуть ли не у всех на глазах... Извините, Анна Кузьминична... Другой носитя по театру с топором!.. И при этом они еще умудряются иметь моральные принципы!..

– Ну зачем же вы так... – тускло возражает директор. – Просто актеры – легко возбудимые люди... Я сам в прошлом актер...

– Знаете, а у меня создалось впечатление, – интимно делится Анна Кузьминична, – что актеры немножко не люди. Похожи на людей. Очень похожи. Но не люди.

– Вот вы! – Юрий Михайлович резко поворачивается к Андрею Ивановичу. – Скажите, почему вы, пожилой человек, фронтовик, секретарь парткома, позволяете себе входить в кабинет в таком шутовском виде? Или вы таким образом демонстрируете мне свою независимость?

Андрей Иванович рассматривает свои лохмотья с таким видом, будто видит их в первый раз в жизни.

– Я у себя дома, – пожимает он плечами... – Я же не упрекаю вас за вашу униформу.

Начальники переглядываются. Действительно, все одеты одинаково. Костюмы серого цвета. Галстуки. Кейсы. Даже на Анне Кузьминичне узенький дамский галстучек и строгий серый жакет. А уж трое близняшек из райкома – те и вовсе неотличимы друг от друга, как малыши в детприемнике.

– Хамите? – прищуривается Юрий Михайлович. – Ну, валяйте, резвитесь!.. Но предупреждаю, я человек злопамятный. И наглых шуток не прощаю!

– А вы меня не пугайте, гражданин начальник, – голос у Андрея Ивановича вдруг становится сиплым. – Меня и не такие пугали. И – ништяк, оклемался.

– Прекратите юродствовать! – кричит Юрий Михайлович. – Вы не на сцене!.. Разгулялись, клоуны! Я приведу вас в чувство! Вы у меня узнаете, что почем! Вы у меня на карачках ползать будете!

Юрий Михайлович внезапно смолкает, потому что из-за плеча Андрея Ивановича появляется Элла Эрнестовна. За ней в проеме двери – напряженные лица актеров.

– Не смейте на него кричать, – тихо говорит Элла Эрнестовна. – Или я вас ударю.

* * *

В тесной гримуборной не продохнуть от табачного дыма.

– Одного я не понимаю, – быстро и возбужденно говорит Федяева. – Ну ладно, Левушка, ну ладно, Гордынский... Это для них не авторитеты... Но как они решились уволить Елену Константиновну?!

– В такой рубке щепок не считают! – усмехается Боря. – Им важно уничтожить Рябинина. Тут все средства хороши. Политика, Лидия Николаевна, грубая вещь!

– Политика тут ни при чем, Боря! – Гвоздилова качает головой. – Это биологическая война. Знаете, как у насекомых?.. Они чувствуют чужих. И пожирают. И не важно, прав ты или виноват. Важно, что ты не из их породы...

– Они нас будут жрать, – не выдерживает Левушка, – а мы будем молчать. Из деликатности. Чтобы не испортить им аппетита. Должны же мы хоть как-то защищать свое достоинство!..

Дверь распахивается, и в гримуборную влетает Тюрин.

– Левушка, говори потише! – шипит Тюрин. – А то возле вашей двери гуляет такой спортивный паренек, и ухо у него откровенно растет в вашу сторону!

– Черт-те что! – тихонько смеется Борис. – Вот так рождаются диссиденты. Я уже начинаю чувствовать себя маленьким Герценом...

* * *

...Дверь в кабинет директора осторожно приоткрывается, и в образовавшемся проеме появляется неуверенное лицо Татьяны.

– Пожалуйста, Танечка, входите! – директор рад любой возможности разрядить взрывоопасную атмосферу, а Татьяна все-таки дьявольски красива. – Вы ко мне или к... Знакомьтесь, товарищи, это Татьяна Бусыгина, наша молодая актриса!

– Мы наслышаны, – лаконично отзывается Анна Кузьминична и брезгливо поджимает губы. Татьяну ничуть не смущает такая реакция, она привыкла, что все женщины в ее присутствии делают постное лицо и поджимают губы.

– Я бы хотела переговорить с Юрием Михайловичем, – извиняющимся голосом говорит Татьяна. – Всего несколько минут... Но, если можно, – конфиденциально...

Анна Кузьминична косится на Юрия Михайловича, пытаясь отыскать на его лице хоть слабую тень неудовольствия, но тот смотрит на Татьяну с явным любопытством – все вы, мужики, одинаковы! – и Анна Кузьминична с неохотой встает с кресла. Райкомовские близнецы поднимаются вслед за ней и синхронно хватаются за кейсы.

– Мы будем в буфете, – бурчит Анна Кузьминична. – Петр Егорыч, вы нас не проводите? А то в ваших катакомбах без проводника ходить опасно.

Директор предупредительно распахивает двери, и руководящая группа, топя, как октябрята на выпасе, гуськом покидает кабинет.

– Я догадываюсь, зачем вы пришли, – не дожидаясь Татьянинных объяснений, говорит Юрий Михайлович. – Вы хотите уговорить меня аннулировать приказ об увольнении. Разочарую вас сразу – этого не будет.

Он едва успевает договорить фразу – и Татьяна тотчас, без всякой подготовки, начинает плакать. Глаза ее мгновенно набухают прозрачной влагой, нос краснеет, губы складываются в обиженную гримасу.

– Это жестоко, жестоко! – сглатывая слезы, говорит Татьяна. – Может быть, актеры повели себя немного легкомысленно, но нельзя же приговаривать за это к смертной казни!.. А увольнение – это казнь!

– Перестаньте демонстрировать свои профессиональные навыки! – Юрий Михайлович избегает смотреть на Татьяну. – Актерские слезы – недорогой товар. Этому учат в любом театральном институте.

– А в женские слезы вы верите? – Татьяна поднимает опухшие от слез веки. – Вы – сильный, умный, добрый человек. Ну почему вам так нравится выглядеть извергом?

– Я – изверг? – Юрий Михайлович возмущенно разводит руками. – А Рябинин кто – ангел? Он же вас предал!.. Почему же вы обвиняете всех вокруг, а его берете под защиту?

– Я умоляю вас, отмените приказ! – в голосе Татьяны слышатся какие-то новые решительные нотки. – Муж не знает, что я здесь. Он просто не пустил бы меня к вам. Я сделаю для вас все, что вы захотите, только отмените приказ!

– Вы с ума сошли? – сочувственно интересуется Юрий Михайлович. – Вы просто обольстительница из плохого кино. Но вам не кажется, что вы выбрали не самое удачное место для совращения?

Татьяна дергает за какой-то невидимый шнурок у горла – и пышная театральная хламида тяжелыми складками падает к ее ногам.

– Эт-то что такое? – ошеломленный Юрий Михайлович панически кидается к Татьяне. – Вы соображаете, что вы делаете? А ну-ка, оденьтесь немедленно!.. Слышите?!.

– Я заперла дверь, – лихорадочно шепчет Татьяна, лицо ее почти касается лица Юрия Михайловича. – Ключ у меня. Не надо бояться, сюда никто не войдет...

– Сумасшедшая! – шипит Юрий Михайлович. – Всех вас надо в Кащенко! Одевайтесь сию же секунду, или я позвоню...

– В милицию? – Татьяна заглядывает в глаза Юрию Михайловичу. – Или в горком? Вы меня

не обманете! Женщина всегда знает, нравится она или нет. Я же видела, какими глазами вы смотрели на меня там, на собрании...

И она неожиданно впивается в губы Юрия Михайловича долгим и мучительным поцелуем.

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Обалдевший Юрий Михайлович не сразу понимает, откуда вдруг появился этот режущий глаза свет...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

А когда понимает, то уже ничем не может себе помочь. Так и стоит посреди директорского кабинета с дико вытаращенными глазами, галстуком, съехавшим набок, и растерзанной рубашкой, в обнимку с голой красавицей, бесстыже улыбающейся в фотообъектив...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Левушка аккуратно прячет фотокамеру в футляр, Татьяна деловито натягивает на себя хламиду. За их спинами – группа актеров. В глазах – ни удивления, ни осуждения, ни восторга. Закончился спектакль. Свершился акт возмездия...

– Признаться, я вас недооценивал! – почти с восхищением констатирует Юрий Михайлович. – Страшный вы народец!

– С волками жить – по-волчьи выть, – равнодушно отвечает Левушка. – Вы сами выбрали этот вид оружия.

– И что же вы будете делать с фотографиями? – кисло улыбается Юрий Михайлович. – Отошлете в газету «Правда»?

– Ну почему обязательно в «Правду»? – так же без интонаций отвечает Левушка. – Есть и другие правдивые газеты. Например, «Юманите».

Юрий Михайлович пристально вглядывается в Левушку, пытаясь понять, не шутит ли он, но в глазах у Левушки холодно и пустынно, как в зимних небесах...

* * *

...В одном из многочисленных театральных переходов дорогу актерам внезапно преграждает группа угрюмых пареньков в чехословацких костюмах.

– Отдайте камеру! – негромко требует один из них, судя по виду, старший.

– Разве она ваша? – кротко удивляется Левушка и прячет фотокамеру за спину.

– Отдайте камеру! – не повышая голоса, повторяет старший.

– Лева, пас! – кричит Игорь, неизвестно когда и как оказавшийся за спиной у «чехословацкой» группы, и вытягивает руки: дескать, ловлю!

Левушка неловко кидает фотокамеру Игорю. Тот едва успевает поймать ее и тут же получает сокрушительный удар в переносицу. Удар, надо сказать, профессиональный, потому что Игорь валится наземь, как сноп. Истошно визжит Сима, Левушка бросается Игорю на помощь, но двое бравых пареньков мгновенно заламывают ему руки.

Старший вскрывает камеру: камера пуста, пленки нет.

– Где пленка?

Левушка с заломленными назад руками пожимает плечами:

– А ее и не было...

По знаку старшего Левушку быстро ощупывают – пленки нет.

– Я ж вам сказал: не было. Шутка!..

Старший коротко размахивается и в сердцах расшибает камеру о стену. Всхлипывают осколки. Вся операция занимает не более нескольких секунд.

Потрясенные и притихшие, стоят в театральном переходе артисты.

А слаженная группа «бойцов невидимого фронта» молча удаляется по пустынному коридору.

* * *

...В кабинете директора хлопочут врачи. Бледный Юрий Михайлович в расстегнутой рубашке лежит на директорском диване.

– Сволочи! – не может успокоиться Анна Кузьминична. – Нет, я этого так не оставлю!.. Я натравлю на них прокуратуру!

– Успокойтесь, Анна Кузьминична! – директор дрожащими руками наливает в стакан воды. – Выпейте тархунчику!.. Артисты погорячились... Они люди нервные!..

– Оставьте! – Анна Кузьминична отталкивает стакан. – Таким нервным место в Лефортове, а не на советской сцене! Будь моя воля, я бы их...

– Анна Кузьминична, – просит с дивана Юрий Михайлович, – соедините меня с Николаем Андреевичем! А вы, Петр Егорыч, соберите труппу на последний разговор...

* * *

В репетиционном зале – звенящая тишина. Тишина, чреватая взрывом. Юрий Михайлович говорит внятно и отдельно, проверяя доходчивость сказанного внушительными паузами, – точно швыряет камешки с обрыва, всякий раз терпеливо дожидаясь, когда снизу донесется глухой стук...

– Я хотел бы довести до вашего сведения, что руководящие инстанции, получившие подробную информацию о ненормальной ситуации, создавшейся в вашем коллективе, настаивают на немедленном расформировании труппы. В ближайшие дни в театре будет работать специальная комиссия из представителей партийных и советских органов совместно с представителями общественности, которая все тщательно взвесит и разберется в безобразиях, которые здесь происходят...

Юрий Михайлович встает из-за стола, давая понять, что обсуждать сказанное не входит в его намерения. Он знает, что речь его произвела на аудиторию самое сильное впечатление, и возможные прения могут это впечатление ослабить. Но он не знает, что последняя точка в сегодняшнем разговоре будет поставлена не им...

– Простите! – звонким голосом говорит Левушка. – Но прежде чем вы и ваши коллеги покинете этот дом, мы тоже хотели бы довести до вашего сведения кое-что. В знак протеста против незаконных и антигуманных действий руководства по отношению к нашему коллективу, мы объявляем голодовку!..

– Что они объявляют? – переспросила Анна Кузьминична, не умея сразу переварить пугающий смысл услышанного.

– Голодовку! – Юрий Михайлович сверлит Левушку немигающим взглядом, как факир, внезапно разучившийся заклинать кобру.

– Наши требования! – продолжает Левушка. – Первое. Немедленно аннулировать приказ об увольнении актеров. Второе. Восстановить в репертуаре все спектакли Рябинина. И, наконец, третье. Вернуть Рябинину советское гражданство и должность художественного руководителя театра. Пока эти требования не будут выполнены, мы прекращаем с вами всякие переговоры. В

ответ на возможные попытки остановить голодовку силой, мы вынуждены будем прибегнуть к самосожжению.

– К чему прибегнуть? – снова не врубается Анна Кузьминична. Видимо, слово «самосожжение» кажется ей некоей литературной метафорой.

– К самосожжению! – раздраженно отвечает Юрий Михайлович. Похоже, он и сам не может до конца поверить в серьезность всего происходящего.

– Что же касается лично вас и вашей компании, то мы предлагаем вам в течение пятнадцати минут покинуть помещение театра. – Левушка смотрит на часы. – Сейчас в подвале находятся трое наших товарищей. У них есть пакля, газеты и канистра с бензином. Если через пятнадцать минут вы еще будете находиться в этом здании, они, не дожидаясь дополнительного сигнала, совершат акт самосожжения.

– Тоже фокус? – тихо спрашивает Юрий Михайлович. – Как с пленкой?..

– Приглашаю вас лично убедиться в том, что это не выдумка, но не дольше, чем в течение тех же пятнадцати минут.

– Товарищи, – после долгого молчания снова тихо говорит Юрий Михайлович, – вы отдаете себе отчет... Это же политический шантаж... Неужели все в театре поддерживают эту дикую провокацию?

Юрий Михайлович обводит глазами присутствующих. Венецианский карнавал. Лысая гора. Съезд шизофреников. Даже у детей – глаза, как у леших.

– Вас устраивает такой ответ? – после выразительной паузы интересуется Левушка. – Или все-таки хотите посмотреть подвал?

Ситуация преглупейшая... Поддаться на провокацию, потребовать доказательств... Снова стать общим посмешищем...

– В таком случае, – продолжает Левушка, – не смеем вас больше задерживать. Боря!.. Игорь!.. Проводите товарищей... У нас слишком мало времени, – он деловито смотрит на часы.

* * *

...Группа «товарищей», эскортируемая стриженными мальчиками в чехословацких костюмчиках, безмолвно движется по театральному тоннелю в направлении служебного входа...

* * *

...А в театре уже происходит нечто невообразимое!.. Актеры тащат театральную мебель... Баррикадируют двери... Заколачивают окна... Рабочие сцены стараются вовсю.

Театральный столяр Кондратьич, красноносый и вечно пьяненький, прилаживает к заколоченной двери леденящий кровь плакат: «Осторожно! Заминировано!»

– Хорошо придумал! – хвастается Кондратьич. – Теперь пусть только сунутся!..

– Что значит «заминировано»? – холодеет Левушка. – Здесь же дети!..

– Да что ты, Левушка! – хохочет столяр. – Это же так, бутафория... Для остратки...

– Тут некого стращать, старик, – строго говорит Левушка. – Стращать надо тех, кто снаружи...

– Тоже правильно, – соглашается огорченный Кондратьич. – Светлая ты голова, Левушка!..

...В театральном фойе собралась вся труппа. Сейчас актеры без грима, и можно впервые рассмотреть их лица. Усталые, землистого цвета, с синими кругами под глазами.

– Хорошенько подумайте, братцы, – взволнованно говорит Левушка. – Те, кто хочет уйти, могут уйти. В первую очередь, конечно, следует увести отсюда детей. Тех, кто считает необходимым остаться здесь – прошу подойти ко мне!.. Без обид, братцы...

Из толпы выходят Татьяна, Сима, Боря...

– Товарищи! – директор, как обычно, складывает руки умоляющей лодочкой. – У вас у всех есть семьи, родители, дети... Подумайте, если не о себе, так хотя бы о них!..

Из толпы выходит Гордынский.

– Если будет позволено, – тихо говорит он, обращаясь к Левушке, – я бы хотел остаться. Обязуюсь подчиняться общей дисциплине.

– Оставайся! – Левушка пожимает плечами. – Каждый имеет право защищать свою честь. Если, конечно, она у него имеется...

Вслед за Гордынским из толпы выходит Федяева. Потом Андрей Иванович с Эллой Эрнестовной. Немного погодя к ним присоединяются супруги Тюрины. Выходит Гвоздилова.

– Елена Константиновна! – Левушка приятно ошарашен. – Вы хорошо подумали? Ваш выбор может иметь для вас самые серьезные последствия...

– Вы – эгоист, Лева, – усмехается Гвоздилова. – Все норовите героически умереть в одиночку. А другим, между прочим, тоже хочется войти в историю...

Из толпы выпархивают Аллочка и Ниночка, за ними, не выпуская из рук драгоценного патефона, выходит Дрюля.

– Дрюля! – радостно удивляется Тюрин. – Ты-то куда со своим патефоном?.. Ты же вне политики!

– А при чем тут политика? – меланхолично отвечает Дрюля. – Если мир раскололся без моего участия, то надо же мне где-то быть. Так уж лучше с вами.

– Товарищи! – взывает директор. – Еще не поздно остановить эту дурацкую комедию!.. Я уверен, если мы извинимся перед Юрием Михайловичем – нас простят...

Директор продолжает говорить, а из толпы выходят все новые и новые люди. Актеры, бутафоры, осветители, монтировщики...

...Кабинет директора теперь полностью оккупирован актерами. На директорском столе несколько телефонов, и все они в настоящий момент заняты. Из общего гула вырывается голос Федяевой.

– Шурик?.. Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!.. А вот Вера Ивановна говорит, что не учишь! В общем, если не сдашь зачет – про магнитофон забудь!..

– Бардак! – возмущенно вздыхает Тюрина. – Ведь договорились же болтать не более трех минут!.. В любой момент могут позвонить оттуда, – она выразительно тычет пальцем вверх, – а телефон занят!

– Ты за меня не волнуйся! – мурлычет в трубку Аллочка. – Голодовка голодовкой, а с голоду мы тут не помрем! У нас шикарный буфет, бывает даже горячее...

– Что ты плетешь? – настораживается Сима. – Какое тут у нас горячее?.. Мы же

эвакуировали буфет! Или ты трескаешь тайком ото всех? Как Лоханкин?

– Я голодаю честно! – обижается Аллочка, прикрыв трубку рукой. – Наравне с коллективом! Просто муж нервничает. Должна же я как-то его успокоить?

– Фантастическая идиотка! – восхищается Сима. – Ты же дискредитируешь идею! А если телефон прослушивается?.. Выходит, наша голодовка – чистый блеф?

– Оля! – кричит в трубку Татьяна. – Отзвони в ВТО Антонине Васильевне!.. Скажи, что мы с Левушкой отказываемся от Пицунды! Пусть отдадут путевки кому-нибудь другому!..

* * *

Вечером Левушка обходит посты. У центрального входа дежурят Тюрин и Андрей Иванович.

– Сейчас-то потише, – докладывает Тюрин. – А днем был ужас!.. Оцепление милиции... Толпа с лозунгами... Орут... Бьют стекла...

– А почему бьют стекла? – удивляется Левушка. – Ну да, они же не знают, что произошло! Надо объяснить людям нашу позицию...

– Наивный вы человек, – усмехается Андрей Иванович. – Вы никогда не сталкивались с таким явлением, как организованный праведный гнев трудящихся? Будьте уверены, им уже объяснили вашу позицию.

* * *

В одном из театральных переходов Левушку настораживает некий странный звук, похожий на стук молотка по металлу. Левушка озирается. Тоннель пуст. Левушка заглядывает в темный проем – тут находится лестница, ведущая на чердак.

– Эй! – кричит он в пугающую темноту. – Кто там?.. Советую не прятаться! Сейчас сюда соберутся все посты и вам не поздоровится!

– Соберутся они тебе, с-час! – слышится откуда-то сверху ворчливый голос, и через секунду из мрака появляется столяр Кондратьич. – Отсюда никуда не докричишься!.. Изоляция, как в Петропавловке!

– Кондратьич! – Левушка принимает строгий вид. – Ты чего это здесь? Знаешь, который час? Половина второго!

– Сигнализацию делаю! – снисходительно объясняет Кондратьич. – Чтоб через крышу никто не проник! Ступи-ка на лестницу!.. Ну ступи, ступи, не бойся!

Левушка ступает на лестничную клетку, и тоннель заполняет свирепая трель звонка.

– С ума сошел! – пугается Левушка. – Ты же весь театр подымешь! Нашел время экспериментировать! Выключи немедленно!

– Легко сказать «выключи»! – кручинится Кондратьич. Я пока только систему включения отработал. А выключение – это второй этап.

* * *

...Левушка в своей гримуборной чистит зубы. За ним с выражением немой укоризны маячит Боря Синюхаев.

– И не проси! – сурово отрезает Левушка. – Еще и суток не прошло, а им подавай свидание! Тут не пионерлагерь!

– Но и не Бухенвальд! – парирует Боря. – Что плохого в том, что люди хотят повидаться с родными? Это естественное желание!

– Но не в нашей ситуации! Просто так милиция их в театр не пропустит. Значит, снова нужно звонить по инстанциям, просить, унижаться...

– Почему унижаться? – Боря чувствует в Левушкиных аргументах слабину. – Не просить, а требовать! Свидание с родными – это наше святое право!

– Ладно, – сдаётся Левушка. – Только свидание не должно длиться более получаса. И на это время следует усилить посты.

* * *

...По театральным переходам движется шумная толпа родственников с сумками, свертками и авоськами. В актерском фойе их встречает такая же шумная толпа артистов. И снова слезы. Такое ощущение, что эта встреча происходит не в центре Москвы, а где-нибудь в читинском остроге...

* * *

– Ты совсем синяя! – тревожится Аллочкин муж, молодой бородач в джинсовом костюме. – Ты не обманываешь, вас действительно хорошо кормят?.. Ты сказала им, что у тебя гастрит?

– Толечка, не волнуйся! – Аллочка смотрит на мужа правдивыми и влюбленными глазами. – Кормят, как в «Арагви». Только никому об этом не говори, ладно?.. Все-таки, официально у нас голодовка.

– Понимаю, – заговорщицки говорит бородач Толечка и вынимает из сумки объемистый сверток. – В таком случае, вот!.. Это тебе от мамы. Тут пирожки с капустой. Съешь сама и передай товарищу.

– Толечка, спасибо, но... – мрачнеет Аллочка. – Я не возьму. У нас это не полагается, – и снова поднимает на мужа невозможно искренние глаза. – Ты не беспокойся, я тут жру, как слон!

* * *

– ...Да не тычь ты мне свое яблоко! – с нарочитой суровостью одергивает сына Федяева. – Ты же знаешь, я их терпеть не могу! Как твое сольфеджио? Только не врать, Шурик!..

– Нормально! – хрумкает яблоком Шурик, узкий, бледный, ушастый отрок, похожий на умную летучую мышь. – Учю, как обещал... Мам, а правда, что вы против советской власти?

– Чепуха! – яростно говорит Федяева. – И ты не должен повторять вслух эту чушь! Эти мерзкие сплетни распространяют злые и глупые люди! Кто тебе это сказал?

– Вера Ивановна! – Шурик увлеченно грызет яблоко. – А еще она сказала, что я не имею права на бесплатное обучение, потому что моя мать махровая антисоветчица. А я ей сказал, что она сволочь!

– Как ты посмел! – Федяева закатывает сыну звонкий подзатыльник. – Вера Ивановна –

прекрасная учительница, пожилая женщина, заслуженный человек! Сегодня же извинись, понял?

* * *

...Левушкина мама поразительно похожа на сына: такая же круглолицая, толстая, одышливая, в глазах – зеленая искра романтического непокоя. Единственно, чего ей недостает для полного сходства с Левушкой – это яркого блюдца лысины, венчающего облик нашего героя.

– Левушка, я не засну всю ночь, если ты не съешь хотя бы кусочек кулебяки. Тебе необходимо есть, у тебя плохое сердце, и жена совершенно за тобой не следит! Вот такой малюсенький кусочек – разве это принципиально?

– Ну какая кулебяка, мама? – морщится Лева. – Мы же объявили голодовку. Это была моя инициатива. Ты дезавуируешь меня как лидера!

– Юрий Михайлович сказал, – мама неожиданно склоняется к Левушкиному уху, – что тебе грозит тюрьма... Но он готов тебя защитить, если ты снимешь свои дурацкие требования...

– Ты разговариваешь с этим подонком? – отшатывается Левушка. – За моей спиной? Я запрещаю тебе вести с ним переговоры! Ты слышишь, запрещаю!

– Глупенький! – плачет мама. – Юрий Михайлович – интеллигентнейший человек... Он хочет тебе добра! Я презираю твоих друзей! Они тебя не понимают. Они же не люди – артисты!

* * *

...В стороне от гомонящей толпы сидит углубившаяся в чтение Гвоздилова. Завистливо потолкавшись среди чужих родственников, к ней подсаживается так никем и не востребованная Ниночка.

– А вы почему в одиночестве, Елена Константиновна? Учтите, больше свиданий не будет! Лев Александрович категорически против!

– Все мои в отъезде, – оторвавшись от книги, говорит Гвоздилова. – Старики на даче, муж в командировке. Слава Богу, догадалась, взяла с собой «Новый мир».

– А у меня и вовсе никого! – жалуется Ниночка. – Родители в Челябинске. Я же иногородняя. А как вы переносите голодовку? Ничего?.. Я – ужасно!

– Я – тоже! – простодушно отзывается Гвоздилова. – Еще один день – и съем собственную кофту... Вообще, долговременные подвиги не для меня. Меня надо сразу кидать на амбразуру, а то я опомнюсь – и всех продам!

– Сказать по правде, – набирается храбрости Ниночка, – я очень удивилась, когда вы остались... У вас все-таки особенное положение, кино, успех... Зачем вам эта голодовка?

– Сама не знаю, – усмехается Гвоздилова. – Человек познается по глупым поступкам. Замужество, деньги, карьера – это стереотипы биографии. А вот глупый поступок – он всегда только твой!..

* * *

Бессонный Лева обходит ночные посты. На сей раз у центрального входа дежурят Боря

Синюхаев и Игорь Гордынский.

– Ну что на западном фронте? – интересуется Левушка. – Надеюсь, без перемен?.. Хотя если без перемен – это тоже скучно!

– Нам скучать не дают, – отзывается Гордынский. – Сегодня двоих шуганули. Пытались пролезть через бутафорских цех!

– Чего они добиваются? – удивляется Левушка. – Мы же их предупредили, что если они попытаются воздействовать на нас силой...

– Плевать они хотели на наши предупреждения, – усмехается Боря. – Слышишь, что на улице делается?.. А ведь уже первый час ночи!

– А что плохого в том, что люди митингуют? – беспечно возражает Левушка. – Может, они хотят выразить нам сочувствие...

– Сочувствие? – переспрашивает Гордынский. – Странный у них способ выражать сочувствие. Вот уже час скандируют одно только слово «под-ле-цы!» Подлецы – это мы...

– Почему «подлецы»? – сомневается Левушка. – Во-первых, они кричат неразборчиво... Мне вот, например, слышится «мо-лод-цы!» Да-да, молодцы! Зачем так плохо думать о людях...

* * *

...Левушка идет по пустынному ночному коридору... Гулкое эхо усиливает и множит стук его каблуков. Странно выглядит театр ночью. Огромное, пустое, чужое здание с притаившейся по углам враждебной тишиной.

Внезапно Лева останавливается. Где-то здесь, совсем рядом, в одном из переходов, слышны звуки крадущихся шагов. Левушке становится не по себе.

– Кондратьич! – говорит Левушка и сам пугается собственного голоса. – Это ты тут шебуршишь?.. Не валяй дурака, Кондратьич, слышишь?

В ту же секунду, неслышные, как привидения, на Левушку наваливаются трое... Зажимают ему рот... Заламывают руки... Волокут в темноту... Несколько коротких ударов по корпусу, последний – отрезвляющий – по лицу. Левушка так ошеломлен, что даже не пытается сопротивляться.

– Не ори, – шепотом предупреждают его, – а слушай внимательно. Если завтра к десяти утра вы не прекращаете бузу – вам будет очень хреново. А тебе, барбос, в особенности. Усек?

– Не совсем, – вежливо отвечает Левушка и облизывает кровоточащую губу. Теперь, перед лицом опасности, он вдруг совсем успокоился.

– Попадешь в Склифосовского – там сообразишь! Цацкаться с вами, засранцами, тут никто не будет. Это вам не Польша. Так и передай своим карбонариям!..

– А вы кто? – простодушно интересуется Левушка, пытаясь запомнить хоть одного из преследователей в лицо. – От кого передать?

– Благодарные зрители! – с коротким смешком рекомендуется призрак. – В общем, запомни: завтра к десяти вас уже здесь нету! И не вздумайте что-нибудь отчебучить!

Там, за спинами ночных гостей, явно что-то происходит. Левушка даже не видит, а скорее чувствует это. Видимо, то же начинают чувствовать и гости. Один из них резко оборачивается, и в образовавшемся зазоре мы видим фигуру Игоря Гордынского.

– Игорь! – кричит Левушка. – Не подходи! Их трое! Чеши за ребятами!

– Ничего! – с веселой яростью отзывается Игорь. – Как-нибудь отмахнемся!.. Ну-ка, подите сюда, голубки!.. Я вам прочищу клювики...

Двое не заставляют себя просить вторично и молча набрасываются на Игоря, третий

придерживает Левушку за заломленную руку. Игорь дерется легко и красиво, точно фехтует. Кажется, ему важнее выглядеть красиво, чем победить. Левушка внутренне как-то обмякает и успокаивается, и поэтому пропускает тот роковой миг, когда Игорь вдруг оказывается на полу. Его продолжают бить ногами, и, хотя длится это считанные секунды, Левушке кажется, что прошла целая вечность. Все кончается так же неожиданно, как началось. Три призрака точно растворяются в ночных коридорах, оставив на полу неподвижного Гордынского.

– Игорек! – Левушка склоняется к Игорю. – Ты живой?.. Не пугай меня!.. Ответь что-нибудь!

Гордынский молчит. Левушка беспомощно озирается по сторонам.

Тоннель жутковато пуст, как улица зачумленного города. Ни звука, ни шороха. Только эхо Левушкиного голоса продолжает колотиться в гулких переходах огромного здания.

– Братцы! – отчаянно кричит Левушка. – Игорю плохо!.. Помогите же кто-нибудь, братцы!..

Левушка судорожно хватается Гордынского под мышки и волочит по тоннелю. Пот катится с Левушки градом, каждый шаг дается ему с трудом. В какой-то момент он замечает, что за Игорем тянется алая влажная полоса – полоса настоящей, а не бутафорской крови!.. – и это повергает его в ужас.

– Игорек! – жалобно просит Левушка. – Потерпи, дорогой!.. Ты слышишь меня?.. Потерпи, не умирай!..

* * *

Он еще продолжает тянуть Гордынского по пустому тоннелю, хотя уже чувствует, как деревенеют кисти рук и нарастает боль в лопатке. Он знает, что скоро боль станет невыносимой и руки разомкнутся сами собой – тогда их могут не хватиться до утра...

– Братцы! – Левушке кажется, что он кричит во всю силу легких, а между тем из горла вырывается только сиплый клекот. – Он же умрет!.. Помогите, братцы!..

* * *

...Их так и находят, полусидящими в обнимку у каменной стены. Левушка бережно прижимает к груди голову Гордынского. Кто-то щупает им пульс... Кто-то заглядывает под веки... Кто-то поднимает их на руки и несет по коридору...

* * *

...В репетиционном зале актеры хлопчут вокруг забинтованного, как кокон, Гордынского. Кризис миновал, страхи остались позади, но Игорь продолжает оставаться безусловным героем дня. Левушке тоже перепало несколько комплиментов, но поскольку он в сравнении с Игорьком выглядит менее эффектно – всего лишь крохотный пластырь на щеке – то ему поневоле приходится отойти на второй план.

– Я сам виноват! – Игорь уже в десятый раз с удовольствием анализирует ситуацию. – Надо было сразу же вырубить первого. Он был поздоровей. А я стал демонстрировать класс, показывать приемы...

– Помолчи, балаболка! – с плохо скрытой симпатией прикрикивает Федяева. Видимо,

Гордынскому опять удалось на какое-то время завоевать это суровое сердце. – Тебя не тошнит?.. Если не тошнит – значит, все в порядке. Сотрясения мозга нет.

– Да-а, Кондратьич, – осуждающе говорит Тюрин. – Плохой из тебя Кулибин!

Сигнализация, сигнализация!.. А она не фурычит!..

– Почему не фурычит? – обижается Кондратьич. – Схема работает отлично. Только контакт иногда барахлит... Техника – упрямая вещь!..

– Они пошли в атаку! – Борины глаза полыхают мрачным огнем. – Значит, наша угроза не принята всерьез. Предлагаю с сегодняшнего дня всем ночевать в репетиционном зале. Сюда же надо перенести канистры с бензином!

– Боря, вы так страшно говорите! – зябко хихикает Ниночка. – Как будто и вправду собираетесь облить себя бензином и поджечь!

– А вы, Нина, – тихо говорит Левушка, – все это время полагали, что мы шутим? В таком случае вы ошиблись, и вам еще не поздно уйти...

* * *

...Сима распахивает дверь в свою гримуборную и останавливается на пороге. Аллочка бьется в истерике, Ниночка успокаивает рыдающую подругу.

– Вы чего, телки? – озадаченно спрашивает Сима. – Дома какое несчастье?.. Или это у вас с голодухи?

– Не хочу! – заходится от рыданий Аллочка. – Не хочу больше играть в народовольцев!.. Не хочу голодать! Не хочу обливаться бензином!

– А-а! – нехорошо улыбается Сима. – Вот оно что!.. Решила мазать лыжи?.. Ну так катитесь! Только тихо, без деклараций...

– Вы на нее не сердитесь, Серафима Михайловна, – просит Ниночка. – Просто так совпало... У Аллы сегодня день рождения...

– Во кретинка! – всплескивает руками Серафима. – Тогда тем более чего реветь! Веселиться надо! В твоём возрасте это еще праздник.

– А с чего мне веселиться? – Аллочка продолжает всхлипывать. – В этот день Толик всегда водил меня в «Арагви». Абхазские розы покупал. Вот когда было весело...

– Ну, насчет «Арагви» – это вряд ли, – задумчиво говорит Сима. – И розы тоже... А день рождения мы тебе сотворим. И не хуже, чем твой Толик...

* * *

– Коля! – Левушка умоляющими глазами смотрит на монтировщика декораций Колю Малинина. – Если не ты, то никто. На тебя вся надежда. Нужны цветы. Желательно розы. Это дело чести. Рискнешь?

– Да я – пожалуйста! – неуверенно говорит Коля. – Но ведь там же оцепление... Кто же меня пропустит обратно?.. А незаметно, я думаю, не проскочишь!..

– Проскочишь! – настаивает Левушка. – Со стороны столярного цеха здание не просматривается, там крыши. Потом – ты не артист, тебя никто не знает, в крайнем случае мы потребуем, чтобы тебя пропустили!

...Гремит бравурная музыка. Стремительно раздвигается занавес. Из глубины сцены на зрительный зал идут Аллочка и Андрей Иванович. Она – в крохотной изящной короне и в длинном сверкающем платье. Он – в смокинге, в цилиндре и в белых перчатках.

– Господа! – торжественно произносит Андрей Иванович. – Сегодня нашей несравненной Алле Васильевне шарахнуло целых двадцать пять! Вы скажете, столько не живут. Да, действительно, возраст преклонный. Но наша славная развалюха не сдаётся, отчаянно цепляется за жизнь, молодится изо всех сил, что и позволяет ей выглядеть аж на восемнадцать!.. Поздравим же нашу ветераншу с круглой датой и пожелаем ей новых сценических, а возможно – чем черт не шутит! – и женских побед!.. Никакой день рождения не обходится без подарков, поэтому убедительно прошу вас, оторвите от себя последнее и поделитесь им с той, которая никогда не жалела для вас своего искромётного таланта! Кто что может, господа, кто сколько может!..

Музыка усиливается, актеры пестрой вереницей тянутся на сцену, перед Аллочкой растёт гора подарков. Каждый подарок Андрей Иванович оценивает отдельно.

– Игорь Гордынский! – возвещает Андрей Иванович. – Не найдя в своем имуществе ничего более существенного, чем он сам, Игорь дарит юбилярше номер телефона своего общежития и право звонить ему в любое время суток!

– Вообще-то я замужем, – кокетливо улыбается юбилярша.

– Но бывают минуты острой тоски!.. – разводит руками забинтованный Гордынский.

– Супруги Тюрины! – продолжает Андрей Иванович. – Что несут на алтарь супруги Тюрины? Книга «Золотой теленок». Супруги уверяют, что из всего золота, которое они накопили за свою жизнь, эта вещь – самая дорогая... Посмотрим цену... Да, действительно: один рубль шестьдесят копеек!

Вслед за супругами Тюриными на сцене появляется степенный Дрюля со своим неизменным патефоном.

– Андрей Мартьянов! – объявляет Андрей Иванович. – Или попросту Дрюля! В отличие от всех предыдущих подарков – это уже не просто подарок, а самый настоящий подвиг!.. Ибо представить себе Дрюлю без патефона так же невозможно, как Льва Толстого без бороды.

Андрей Иванович продолжает вдохновенно сочинять все новые репризы. Один за другим поднимаются на сцену актеры... Счастливая раскрасневшаяся Аллочка принимает бесконечные подарки...

– А теперь главный подарок нашего вечера! – в голосе Андрея Ивановича появляется зычное тремоло. Таким голосом цирковые шпрыхталмейстеры объявляют смертельные номера. – Слабонервных прошу держаться за стулья!.. Шоколадный торт!

Новый всплеск музыки – и на сцену выносят торт. Помпезное архитектурное сооружение, отдаленно напоминающее Дом дружбы на Калининском проспекте... Мавританские башни, розочки, виньетки... Комбинация невообразимых фитюлек... Колеблющиеся язычки свечей... Левушка преподносит именинице огромный букет роз... С треском взрываются елочные хлопушки...

– Господа! Только без жлобства! – предупреждает Андрей Иванович. – Ввиду голодовки торт сделан из папье-маше! Поэтому поступим, как в советском кино – сделаем вид, что поели, и вытрем губы салфеткой!

– Дорогие мои! – говорит Аллочка, и гомон стихает. – Вы даже не представляете, что вы все для меня значите! Я и раньше знала, что моя жизнь без вас была бы неполной, но сегодня я

поняла, что если я потеряю вас, то жизнь моя потеряет смысл!

– Не плачь! – кричит Левушка. – А то мы сейчас слабые – пойдет цепная реакция... Давайте танцевать! Кавалеры приглашают дам, а я приглашаю именинницу! Володя, вальс!

На сцену обрушивается вальс. Левушка подхватывает Аллочку, Андрей Иванович – Эллу Эрнестовну, Гордынский – Гвоздилову... На сцене появляется все больше и больше танцующих пар... Тюрин церемонно приглашает жену... Боря вовлекает в круг танцующих Татьяну... Дрюля тянет за руку упирающуюся Федяеву... Вальс, вальс! В какой-то момент Татьяна начинает с тревогой наблюдать за Левушкой. Тот беззаботно кружится с Аллочкой, рассказывает что-то смешное, хохочет, но по его посеревавшему лицу Татьяна понимает, что с ним происходит неладное... Она склоняется к Бориному уху, шепчет ему что-то, тот понимает с полуслова, очередной вираж – Боря элегантно оттирает Левушку и кладет Аллочкину руку себе на плечо...

* * *

– Это глупо! – за кулисами Татьяна отчитывает запыхавшегося Левушку. – Хорохоришься, как петушок! А у тебя больное сердце!.. Выпей таблетку интенкардина, слышишь?..

– Никаких таблеток! – вытирая платком влажный лоб, отмахивается Левушка. – Если я проглочу таблетку – это будет уже не голодовка!.. И вообще я прекрасно себя чувствую!..

* * *

...В директорском кабинете, как всегда, полно народу. Пожалуй, даже больше, чем всегда, потому что для личных звонков отведен только один телефон, и, естественно, к нему тут же выстроилась очередь. Три остальных телефона курирует дежурный – надо следить, чтобы их никто не занял, а заодно не проворонить звонок «сверху».

– Ну что? – влетает в кабинет Левушка. – Ни ответа, ни привета? Это плохо!.. Так они действительно заморят нас до смерти! Видимо, проверяют на вшивость...

Звонит один из трех незанятых телефонов. Боря кидается к столу, безошибочно определяет нужный телефон и тут же намертво прилипает к трубке.

– Алло!.. Кто-кто?.. Какой Попов?.. Ой, извините, я вас не узнал!.. Это Боря Синюхаев! Здрасьте, Сергей Сергеич!.. Да пока ничего, живы-здоровы...

Левушка расплывается в радостной улыбке – видимо, человек, назвавший себя Поповым, ему чрезвычайно симпатичен. Он делает Боре нетерпеливые пассы, чтобы тот передал ему трубку, и в конце концов, не выдержав, отнимает ее силой.

– Сергей Сергеич? – возбужденно кричит в трубку Левуш-ка. – Здрасьте, Лева Бусьгин!.. Спасибо, что позвонили, а то мы тут задыхаемся без новостей!.. Приедете? Прекрасно!.. Будем ждать!..

– Я думал, кто из начальства, – разочарованно бухтит сквозь бинты Гордынский. – А Попов нам не помощник! Чего доброго, еще начнет призывать нас капитулировать...

– Сергей Сергеич? – вскидывается Лева. – Да ты спятил! Левак, прогрессист, друг шефа!.. Я уже не говорю о том, что писатель классный! Его самого гробили – будь здоров!

* * *

– Да, обстановочка тут у вас!.. – Сергей Сергеевич обводит взглядом репетиционный зал. – Желябов помер бы от зависти! Газеты, пакля, бензин... Самим-то не смешно? Уж на что я пожил на белом свете, а диссидентствующих артистов вижу впервые! Писатели – да, ученые – да, инженеры – куда ни шло, но артисты? Боюсь предстать перед вами консерватором, но по моему, дело артиста – играть на сцене, в кино, а не в политику! Ну, ладно, что сделано, то сделано... Давайте думать, как отмываться! Сами понимаете, одними только извинениями вам теперь уже не отделаться!

– А мы не собираемся ни перед кем извиняться! – отчеканивает Левушка. – Извиняться должно правительство. Мы выдвинули требования и ждем, когда они будут выполнены!

– Ой, как страшно! – смеется Сергей Сергеевич. – Ребята, вы клинические идиоты! Решили напугать державу? Ее и не такие пугали. Вы ведь, поди, представляете себя такими героями Брестской крепости? И полагаете, что вся страна не спит, наблюдая за вашей доблестью?.. В таком случае, я вас разочарую, стране на вас глубоко наплевать!.. Ну, есть, конечно, заинтересованные люди, которым приказано вас постращать... Но ведь и они в этой игре пешки, от них ничего не зависит!.. Ну, подставьте вы Юрия Михайловича, ну, снимут его с работы, а завтра придет другой. Ну, свалите вы этого другого, а послезавтра придет третий!.. А до правительства вам – как до звезд, правительство эта мышьяная возня не интересуется, да и вряд ли оно вообще о вас слышало...

– Услышит! – уверенно говорит Федяева. – Есть еще и такое понятие, как общественное мнение! Мы рассчитываем на поддержку общественности.

– Общественное мнение? У нас? – Сергей Сергеевич пожал плечами. – Ну, понятно, что толпа, которая бьет вам стекла и выкрикивает ругательства – это никакая не общественность, а хорошо организованная массовка. Но вот беда! – прогрессивной демонстрации, призывающей поддержать вашу акцию, я на улицах что-то не заметил. А знаете, почему?.. Да потому, что все нормальные люди над вами смеются! Во всякой борьбе есть свои правила, и эти правила надо соблюдать. А если кучка экзальтированных шутов выдвигает заведомо невыполнимые требования и пытается шантажировать правительство – это может вызвать у интеллигенции только снисходительную улыбку! Ну, переубедите меня! Докажите мне, что вы серьезные, взрослые, политически зрелые люди!.. Сформулируйте мне вашу идею! Объясните конкретно, чего вы добиваетесь!

– У нас несколько требований, – спокойно отвечает Боря. – Почти все они касаются защиты нашей чести и достоинства. Но главное, на чем мы настаиваем, это – возвращение Рябинину советского гражданства!

– Вот-вот! – с усмешкой кивает Сергей Сергеевич. – А вы уверены, что он сам этого хочет? А что если он специально давал все эти скандальные интервью, чтобы иметь возможность остаться на Западе? Вы скажете, что он мог там остаться и без скандала? Верно, мог! Но без скандала он там никому не нужен. Чтобы Запад проявил к тебе интерес, ты должен иметь ореол мученика, изгнанника, борца за права человека! Неужели вам никогда не приходила в головы такая элементарная догадка?

– Как вам не стыдно! – едва сдерживая ярость, говорит Сима. – Вы же ближайший друг Георгия Петровича! Почему вам так не терпится сделать из него подлеца?

– Ну, вот и я попал в реакционеры, – разводит руками Сергей Сергеевич. – Разумеется, я не знаю истинных намерений Георгия Петровича. Я только пытаюсь мыслить логически. Рябинин, что называется, тертый калач и, в отличие от вас, превосходно знает правила игры. Давая все эти интервью в печать, он не мог не понимать, чем это для него кончится!.. А это значит, что он шел на лишение гражданства сознательно! Ну вот скажите, звонил ли он вам хоть раз из Лондона? Объяснял ли свои поступки? Беспокоился ли, как вы тут без него?.. Нет? Нет!.. Так какого же

черта вы портите себе жизнь в угоду его биографии? Во имя какой идеи вы, нищие советские комедианты, разыгрываете из себя матерых диссидентов? Впрочем, воля ваша, поступайте, как знаете, я искренне хотел вам помочь...

– Спасибо, – проникновенно отвечает Гвоздилова. – Вы действительно сделали все, что могли. И не ваша вина, что мы оказались такими идиотами.

Наступает неловкая пауза. Никто не предлагает Сергею Сергеевичу уйти, но он чувствует, что от него ждут именно этого. Пауза затягивается. И тогда Сима, точно показывая, что разговор исчерпан, затягивает тоненьким голоском:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Ее поддерживает еще несколько голосов. Поют по-семейному, тихо, нестройно и жалостно. Будто это не гордая мужественная песня, а саратовские страдания. Сергей Сергеевич некоторое время зачарованно слушает песню, словно пытаюсь проникнуть в ее смысл, а затем резко поднимается со стула и, не прощаясь ни с кем, выходит из репетиционного зала. Вслед за ним выскакивает Левушка...

...Сергей Сергеевич стремительно удаляется по коридору. Левушка едва поспевает за ним.

– Сергей Сергеич! – задыхаясь, говорит Левушка. – Извините, если мы вас обидели... Вы же знаете, артисты, как дети... Ну, брякнули по простоте душевной...

– А вы что действительно голодаете? – Сергей Сергеевич внезапно останавливается. – По-настоящему?.. То есть, все это время вы ничего не ели?..

– Конечно, ничего! – удивляется Левушка. – А как же иначе? Если бы мы голодали не по-настоящему – мы перестали бы себя уважать.

– Господи, какие идиоты! – ужасается Сергей Сергеевич. – И я еще взывал к их разуму!.. Да, до сегодняшнего дня я был о вас лучшего мнения.

– Неправда! – тихо говорит Левушка. – Вы всегда были о нас худшего мнения. А мы оказались лучше. Это-то вас и раздражает. Разве не так?

Прощаются они молча и, не подавая друг другу руки, – просто обмениваются кивками. Сергей Сергеевич долго смотрит, как Левушка уходит по бесконечному тоннелю.

– Дураки! – вдруг с неожиданной яростью кричит Сергей Сергеевич. – Чтобы стать Христом, надо иметь идею! А у вас ее нет и не может быть! И не прикидывайтесь детьми! Вы – злобные, коварные, хитрые, подлые и тупые существа! Нет, вы не дети! Вы – сукины дети!

Левушка останавливается посередине тоннеля и поворачивается к Сергею Сергеевичу. Кажется, сейчас он ответит оскорблением на оскорбление, наговорит кучу яростных и запальчивых слов, сорвется на крик. Но вместо этого Левушка набирает воздуха в легкие и вдруг заводит звонким, как струна, голосом:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Тут он по-дирижерски взмахивает руками, и по его яростному взмаху оглушительно вступает мощный невидимый хор:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!..

Сергей Сергеевич ищет по карманам платок, чтобы промокнуть внезапно вспотевший лоб, а когда вновь поднимает глаза, Левушки в тоннеле уже нет.

А хор, набирая яростную силу, продолжает катиться по гулким, пустым коридорам:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!..

* * *

...Ночь. Репетиционный зал. Артисты спят тут, не раздеваясь: кто на полу, кто на пандусе, кто на сдвинутых столах. Впрочем, судя по приглушенным разговорам, возникающим в разных концах помещения, спят далеко не все...

* * *

– Толика жалко! – всхлипывает Аллочка. – Случись со мной что-нибудь, он просто погибнет! Ты же знаешь, какой он ни к чему не приспособленный!

– Ах, оставь! – машет рукой Ниночка. – Чего это он неприспособленный? Сам готовит, сам стирает, сам полки делает... Уж кто другой, а твой Толик не пропадет!

– Девочки, а давайте я сказку расскажу, – предлагает Игорь. – Жил в одном королевстве свирепый дракон. Каждое утро ему на завтрак приводили красивую девушку...

– Опять он о еде! – возмущается Ниночка. – Ты что нарочно что ли?.. У меня и так живот к позвоночнику прилип!

– Что же я могу поделаться? – вздыхает Игорь. – На том стоит весь мировой фольклор. Раз – и слопал Красную Шапочку!

– Игорь! – тихо спрашивает Аллочка. – Как ты думаешь, что с нами будет?.. Неужели нам позволят вот так умереть? Господи, уж лучше бы нас всех арестовали!

* * *

... – Лен, ты спишь? – Сима в темноте подползает к прикорнувшей в углу Гвоздиловой. – Я хочу сказать тебе... В общем, ты прости меня... Ну, ты понимаешь, за что... Я была дура!

– Я не сержусь, Сима! – как всегда, ровно отвечает Гвоздилова. – Я сама актриса и хорошо знаю, что такое артисты. Им надо все время с кем-то бороться. Это оттого, что их унижают...

– Вот, возьми! – Сима протягивает Гвоздиловой сверток. – Это твое. Ну, трусики... Я спрятала их тогда в душевой... Обозлилась на тебя... А теперь вижу – ты... Возьми, а?

– Вы так торжественно их преподносите, – смеется Гвоздилова. – Как переходящее знамя. Так и хочется горячо поблагодарить вас за оказанное доверие!

* * *

–...А в Пицунду мы можем поехать осенью! – говорит Татьяна. – Путевки будут, мне

обещали.

Татьяна видит, как лицо Левушки покрывается бисером пота.

– Что, что, Левушка? Опять сердце?..

– Ерунда! – морщится Левушка. – Обыкновенный спазм! Это от перемены погоды... Ничего, сейчас отпустит!

– Левушка, я боюсь! – Татьяна прикладывает ухо к Левушкиной груди. – Бухает, как молоток! Очень болит, да? Давай вызовем врача?

– И думать забудь! – отстраняется Левушка. – Только врачей здесь не хватало!.. Накормят тебя через трубочку – и кончилась твоя голодовка!

– Да пошла она к черту, эта голодовка! – плачет Татьяна. – У тебя больное сердце! Тебе нужен режим! И ребята вон еле ходят... Давай вызовем!..

– Не смей! – сипит Левушка. – Ты сделаешь мне только хуже!.. Меня уже отпустило! Правда, отпустило!

Левушка умиротворенно улыбается, чмокает Татьяну в губы и демонстративно поворачивается на правый бок. Татьяна еще какое-то время с тревогой смотрит ему в лицо и успокаивается только тогда, когда слышит ровное и размеренное сопение.

* * *

...И снова по театральным проходам несется взмыленная группа начальников. Юрий Михайлович, Анна Кузьминична, трое из райкома и сопровождающие их молодые люди с короткими спортивными прическами и в костюмчиках чехословацкого производства.

* * *

...Актеры молча выстроились на сцене... Ни звука, ни движения. Глядя на эту безмолвную толпу, можно предположить, что визит высоких гостей не производит на них никакого впечатления. В глазах актеров – ни страха, ни ожидания, ни любопытства.

На этом фоне Юрий Михайлович, и без того изрядно подрастерявший большую часть своего сановного достоинства, выглядит жалким и униженным просителем.

– Товарищи! – произносит Юрий Михайлович, и на лице его брезжит извиняющаяся улыбка. – Вышестоящие инстанции ознакомились с вашими требованиями и сочли возможным их удовлетворить. Приказ об увольнении актеров аннулирован. Спектакли Рябинина сохраняются в репертуаре. Фамилия его соответственно остается в афише... Что же касается возвращения Рябинину гражданства... тут вопрос более сложный... необходимо выяснить мнение самого Рябинина... с ним будут вестись переговоры...

Юрий Михайлович спотыкается на полуслове. Он ждал любой реакции – смеха, ропота, но только не этой странной аморфной тишины. Не обрадовались, не разозлились. Стоят и молчат.

И Юрий Михайлович, пугаясь этого равнодушного безмолвия, начинает торопливо начинать паузу словами:

– Поверьте, товарищи... Делается все возможное... К сожалению, вопрос о возвращении гражданства находится не в компетенции министерства культуры... Но компетентные органы прилагают все усилия...

И снова глухой ухаб тишины. Никто не двигается, никто не произносит ни слова. И Юрий Михайлович, окончательно теряя остатки респектабельности, продолжает барахтаться в этой

тишине, с ужасом чувствуя, что увязает в ней все глубже...

– Я уверен, товарищи, что вопрос решится положительно... Просто следует запастись терпением... Нельзя форсировать события... Товарищи, почему вы молчите?.. Скажите хоть что-нибудь!..

И опять – ни звука в ответ... Хоть бы один вздохнул, зевнул или переступил с ноги на ногу!..

Тишина становится для визитеров невыносимой, превращается в настоящую пытку. Непостижимые типы эти артисты. Стоят и смотрят. И по их глазам не понять, слышат ли они, что им говорят...

– Да люди вы или нет? – неожиданно кричит Анна Кузьминична. И на глазах у нес закипают слезы. – Что вы еще от нас хотите? Хватит нас мучить! Если вам не жаль самих себя, то пожалейте хотя бы Юрия Михайловича!.. У него предынфарктное состояние!

– Не надо кричать, – негромко говорит Боря. – Спасибо за информацию. Мы все поняли. К сожалению, ваш визит запоздал. Голодовка была бы прекращена и без вашего прихода.

Толпа актеров расступается, открывая глубину сцены, и у Юрия Михайловича обрывается сердце: там, на сцене, привязанный веревками к деревянным носилкам, торжественный и неподвижный, лежит Левушка.

На секунду в мозгу Юрия Михайловича вспыхивает слабая искра надежды – не очередной ли розыгрыш? – но тут же гаснет, не успев оформиться в сколько-нибудь внятную мысль. Нет, никакой это не розыгрыш. У смерти свое особое выражение лица. Его видно сразу. Оно проступает сквозь любой грим.

– Простите, – говорит Боря, обращаясь в зал. – Но мы хотели бы остаться одни. Нам надо проститься с нашим товарищем. Не волнуйтесь, никаких эксцессов не будет. Через несколько минут мы покинем это помещение...

* * *

...Актеры тщательно и подробно готовятся к своему выходу на публику. Натягивают на себя хламиды. Накладывают грим. Подводят глаза. И вот уже исчезают желтизна кожи, заострившиеся носы и впалые щеки. Словом, кто угодно, только не те, которых наблюдали еще минуту назад.

* * *

...Впервые за это время мы выбираемся из глубоких, душных и полутемных театральных помещений на залитую солнцем весеннюю улицу.

Собравшаяся перед театром толпа под приглядом милиции ведет себя довольно спокойно, однако в этой толпе чувствуются притаившиеся до поры грозовые разряды. Внимание собравшихся приковано к обшарпанной неказистой двери служебного входа. Наконец, дверь распахивается – и перед толпой предстает странная похоронная процессия: группа людей с раскрашенными лицами и облаченных в декоративные лохмотья несет на плечах носилки со столь же экстравагантно выглядящим покойником. Должно быть, вот так же средневековая толпа реагировала на появление «ведьм», которых выставляли на площадях, дабы обыватель мог напрямую выразить им свое презрение и свой гнев – она зашевелилась, зароптала, загудела, охваченная общим электричеством гражданского негодования. Над головами взметнулись

самодельные плакаты: «Злобствующих антисоветчиков – вон из СССР!», «Сегодня – антисоветизм, завтра – фашизм!», «А сало русское едят!», «Нам стыдно, что вы наши соотечественники!», «Лакеи империализма, убирайтесь из России!».

И вот уже огромная толпа, еле сдерживаемая милицией, постепенно окружает ненавистных «ведьм», берет их в плотное кольцо, опасно подбирается все ближе. Впрочем, как и в любой толпе, люди здесь самые разные: кого-то забавляет этот диковинный спектакль, кто-то движим любопытством узнать, чем все закончится, а кто-то исполнен решимости принять личное участие в «охоте».

Внезапно в похоронную процессию летит камень, и клокочущая скрытой энергией толпа, будто только и дожидалась этого сигнала, начинает забрасывать «ведьм» камнями. Один из камней рассекает Аллочкину щеку, сквозь толстый слой белого грима проступает яркая багровая полоса, и ее рваные края набухают кровью.

– Алла! – надрывно кричит из толпы Толик.

Аллочка в оцепенении оборачивается к толпе, скользит взглядом по лицам, кажется, не вполне понимает, что происходит...

И вдруг на миг Боре чудится, что из толпы раздалось негромкое и нестройное скандирование:

– Мо-лод-цы! Мо-лод-цы...

Он резко поворачивает голову, стараясь выискать взглядом тех, кто скандирует. Неужели показалось?..

Удерживаемая двумя молоденькими милиционерами, колотится мать Левушки. Глаза ее расширены от ужаса, она беспрерывно что-то говорит, но в общем шуме ее невозможно расслышать...

Продирается вперед федяевский Шурик. Он показывает на мать, что-то объясняет милиционеру. Тот, не слушая, заталкивает его обратно в толпу.

– Товарищи! – взывает Юрий Михайлович. – Опомнитесь!.. Достигнута договоренность!.. Не сходите с ума! Там мертвый человек! Оставьте их в покое! Это же варварство, товарищи!..

Похоронная процессия какое-то время топчется на месте, пытаясь найти безопасный проход. Милиция тщетно пытается разорвать кольцо обезумевшей толпы. Слезы, стоны, проклятия, камни, свист...

И тогда Боря Синюхаев выхватывает у милиционеров мегафон и прикладывает его ко рту.

– Товарищи!.. – голос его, усиленный рупором, заставляет толпу притихнуть. – Товарищи! Минувшей ночью умер замечательный артист Лев Бусыгин!.. Всю свою жизнь он служил искусству, правде, добру!.. Он отыграл свою последнюю роль и уходит от нас навсегда!.. Проводим же его так, как надлежит провожать артистов!..

И Боря первым начинает аплодировать. Его поддерживают не сразу. Оторопевшая толпа не в состоянии мгновенно переварить услышанное. Кто-то снимает с головы кепку, кто-то смущенно прячет агрессивный транспарант, кто-то лезет в карман за носовым платком... То здесь, то там раздаются неуверенные аплодисменты, и вот уже вся огромная площадь, словно устыдившись своего недавнего поведения, аплодирует мертвому Левушке...

...И тут происходит невероятное. Из-под чуть дрогнувшей ресницы покойника выползает здоровенная слеза и, словно стесняясь своих размеров, быстро скатывается по щеке, оставляя за собой живую влажную бороздку. Первой реагирует на это Татьяна, ни на секунду не отрывавшая взгляда от Левушкиного лица. Она беспомощно оглядывается на коллег, ища в их глазах подтверждения происходящему. Затаив дыхание, все напряженно глядят на Левушку. Секунда, другая... И покойник, точно почувствовав, что от него ждут проявлений жизни, коротко шмыгает носом.

– Живой! – ахает Татьяна. – Солнышко мое единственное, счастье мое ненаглядное, Левушка мой любимый, живой!

– Врача! – волнуется Аллочка. – Надо срочно вызвать врача! Кто-нибудь умеет делать искусственное дыхание?..

– Какое, к черту, дыхание? – одергивает ее Тюрин. – Он и так дышит, как паровоз! Сейчас главное его не спугнуть!..

– Фантастика! – восхищается Сима. – Скажи, Лен! Это что же у него было? Летаргический сон, что ли?..

– Хохмачи! – шипит Юрий Михайлович. – Сволочи, подонки! Вы еще ответите в горьком за ваши шутки!.. ?

– Какие шутки? – удивляется Гордынский. – Разве с такими вещами шутят?.. Просто жизнь пошла немножко не по Марксу...

Внезапно Левушка открывает глаза и садится на носилки. Толпа в очередной раз замирает.

– Товарищи! – срывающимся голосом говорит Левушка. – Я вот сейчас лежал и думал: почему все самое лучшее приходит к человеку после смерти? Слава, уважение, любовь?.. Раньше мне казалось, что мы живем в мире ненависти... А теперь понимаю, что это неправда... Любви в мире гораздо, гораздо больше... И когда в каком-то месте ее скапливается особенно много, – там могут произойти любые чудеса...

Левушка взмахивает рукой, словно желая добавить еще что-то, но внезапно лицо его сморщивается, и он плачет, размазывая по щекам счастливые слезы.

Находчивый Дрюля быстро ставит патефонный рычажок на пластинку, и над очарованной площадью возникает сладкий итальянский тенор, исполняющий Верди...

Звучит итальянская ария. Скандирует улыбающаяся толпа. И актеры, ничего уже не соображающие от пережитого ужаса и смертельной усталости, но послушные вечному и неистребимому актерскому инстинкту, мгновенно натягивают на лица профессиональные улыбки и кланяются, кланяются, кланяются, поворачиваясь во все стороны и жмурясь от солнца, падают и поднимаются, и поддерживают друг друга за локти, и снова кланяются, скорее даже не понимая, а чувствуя, что наконец-то кончился этот бесконечный спектакль, и, судя по аплодисментам, прошел он вполне прилично...

Вглядимся же напоследок в эти странные, размалеванные, эксцентрические лица. Левушка. Татьяна. Борис. Андрей Иванович. Элла Эрнестовна. Сима. Гвоздилова. Гордынский. Федяева. Аллочка. Ниночка. Супруги Тюрины. Дрюля. Артисты. Нелюди. Сукины дети.